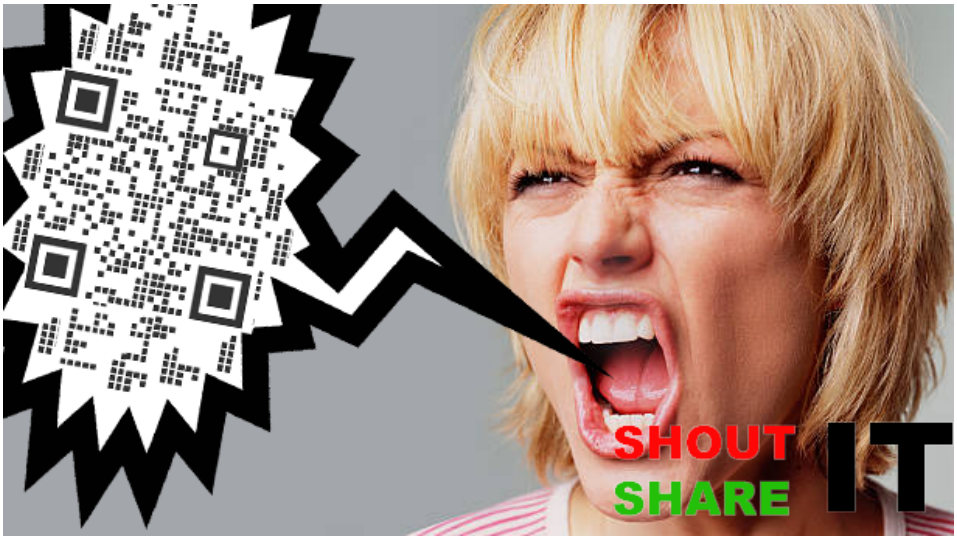
НАТАЛЬЯ
КРАВЦОВА

НА ГОРЯЩЕМ САМОЛЕТЕ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Свою серию «Богатыри» издательство «Московский рабочий» посвящает Героям Советского Союза – москвичам. Писатели, журналисты, ветераны войны рассказывают здесь молодежи о сыновьях и дочерях земли Московской, удостоенных за боевое мужество и отвагу высшей награды Родины.

Герой Советского Союза, штурман эскадрильи прославленного 46-го гвардейского Таманского полка Руфина Гашева, до войны студентка МГУ, вплоть до победы провоевала на маленьком самолете – ночном бомбардировщике ПО-2. О яркой жизни своей боевой подруги рассказывает Герой Советского Союза Наталья Кравцова.

- Наталья Кравцова

Наталья Кравцова
На горящем самолете

Они бежали по полю минут десять. Быстроногие загорелые девчонки в белых и цветных платочках. Наконец почти у самой дороги остановились запыхавшись. Перед ними на земле догорали обломки самолета. Трава вокруг была выжжена; ветер относил дым в сторону, но все равно в воздухе стоял сильный запах гари.

На траве, почти целое, лежало перевернутое крыло с черным крестом. Видимо, оно отлетело еще до того, как произошел взрыв. Из-под острой кромки крыла виднелись сломанные стебли синих колокольчиков.

Сгрудившись у самой границы, где кончалась высокая зеленая трава, и дальше начинался коричневый выжженный участок, девушки молча стояли и смотрели на обуглившиеся остатки самолета. Было тихо. Ярко светило солнце. Где-то вблизи как ни в чем не бывало стрекотали кузнечики.

– Что ему тут нужно было… – сказала Руфа, ни к кому не обращаясь.

– Наверное, разведчик, – отозвалась Катя. – Здесь же рядом железная дорога, а там – склады.

Группа распалась. Осмелев, девушки подошли ближе. Кто-то потрогал лежавшее отдельно крыло:

– Металлическое...

– А я еще никогда не прикасалась к самолету, – сказала Руфа. – Даже близко не видела. Только в небе...

Оказалось, никто не видел, даже москвички. Да и эта груда обломков – уже не была самолетом.

Немецкий разведчик был сбит зенитками. Загоревшись, он круто пошел вниз, оставляя за собой дымный след, и, врезавшись в землю, взорвался. Теперь он догорал здесь, в поле, под Рязанью, далеко от линии фронта.

Всего два дня назад девушки, убирая сено, наблюдали воздушный бой. Вдоль железной дороги летел фашистский самолет. Внезапно со стороны солнца появился одинокий истребитель и атаковал врага. Бой был коротким. Немецкий самолет, отстреливаясь, продолжал лететь своим прежним курсом в глубь нашей территории, а истребитель, изо всех сил пытаясь преследовать его, стрелял и стрелял, выпуская длинные пулеметные очереди. Однако расстояние между самолетами увеличивалось все больше и больше: истребителю не хватало

скорости... Потом он совсем отстал.

С волнением следила Руфа за боем. Ей так хотелось, чтобы наш истребитель победил. Но немец ушел. Целый и невредимый. Он даже не свернул с курса... Это было обидно, до слез обидно видеть.

А теперь Руфа смотрела, как догорает сбитый зенитками фашистский разведчик, но почему-то не было ни радости, ни удовлетворения, а только тревога... Если немцы стали летать уже сюда, под Рязань, то, значит, дела у них идут неплохо...

Августовская ночь была теплой и звездной. Спали под открытым небом, прямо на сене.

Как обычно, улеглись они рядом: Руфа, Катя и Надя. Все три девушки учились вместе на втором курсе механико-математического факультета московского университета. И здесь, на полевых работах, они тоже держались вместе.

Большая группа студенток с мехмата, в которую попали Руфа и ее подруги, была отправлена под Рязань в первые же дни войны. Другие группы университетских комсомольцев уехали в разных направлениях: кто под Калугу, в Подмосковье, тоже на полевые работы, а кто на запад строить оборонительные укрепления...

Руфе не спалось. Она долго ворочалась с боку на бок, потом лежала на спине, глядя на звезды, прислушивалась к дыханию лежащей рядом Кати. Наконец, позвала тихо:

– Катя... Ты спишь?

Та повернула голову.

– Нет. Почему-то не могу. Разные мысли лезут в голову...

– Я тоже не могу.

Открыла глаза и Надя, которая уже начала засыпать.

– Вы что не спите? Завтра вставать в четыре...

– Ну, спи, спи.

– А вы о чем? О войне?

Сон у нее быстро прошел.

– Понимаете, девочки, – сказала Руфа, лежа на спине и уставившись на какую-то яркую звезду, – сначала я была убеждена, что мы здесь делаем нужную работу... А вот последнее время мне стало казаться, что наша работа... ну то, чем мы тут занимаемся – свекла, сено... что она не так уж важна. Нет, конечно, без этого тоже не обойтись. – Руфа села и продолжала с жаром: – Но я же стрелять умею! И вы тоже...

Она снова легла и натянула на себя одеяло.

– По правде говоря, я жду не дождусь, когда мы вернемся в Москву, – откликнулась Катя. – Там-то можно будет что-нибудь предпринять. Попроситься на фронт...

– Давайте вместе, – решительно предложила Надя. – Вместе

пойдем в военкомат! Пойдем и будем требовать!

– Ну, ты сразу «требовать», – засмеялась Катя.

– Надо сначала научиться толком чему-нибудь.

– Два месяца мы уже здесь, в поле! Давно бы научились!

Наде теперь совсем расхотелось спать. Она готова была сейчас же, сию минуту бежать на фронт.

– В крайнем случае можно поступить на курсы, – говорила Руфа неторопливо, словно сама с собой рассуждала, – если сразу не возьмут. Ну, например, курсы медсестер или еще какие-нибудь. Тогда уж наверняка.

– Как там теперь в Москве? – вздохнула Катя. – Наверное, тревоги, налеты, бомбежки.

Они говорили долго. Первой уснула Надя, за ней Катя, а Руфа все лежала, смотрела на звезды и думала...

Изредка светлые полосы, следы падающих метеоритов, прочерчивали небо и быстро исчезали. Пахло душистым свежим сеном.

Вспомнились школьные годы. Походы. На привалах вот так же пахло сеном, а над головой мерцали звезды.

Школа №206, где училась Руфа, была самой обыкновенной московской школой. Но в Тимирязевском районе она занимала первое место. При школе круглый год работал пионерский лагерь. Ребята занимались спортом, ходили в походы. Руфа научилась хорошо плавать, грести. Умела даже управлять яхтой, которую построили сами ребята из морского кружка. Но самым сильным ее увлечением был стрелковый спорт. Стреляла Руфа не только из винтовки – она умела обращаться и с пулеметом. На соревнованиях она неизменно выходила победительницей.

В старших классах Руфа увлеклась математикой и физикой. Уже тогда она твердо решила, что поступит в университет.

Невысокая крепкая девушка с пышными каштановыми волосами и внимательными зелеными глазами, она любила посмеяться, но, в общем, была характера серьезного, сосредоточенного, вдумчивого. С детства Руфа привыкла к ответственности. Отец умер рано, мать часто болела, иногда ее посылали лечиться на длительное время, и Руфа оставалась дома с младшими братьями, выполняя все домашние обязанности. Однако училась она хорошо, успевая и спортом заниматься, и в кино бегать.

К себе девочка относилась строго, даже беспощадно.

Решив однажды укреплять силу воли, она постоянно приучала себя переносить любые трудности. Подражая любимому герою Рахметову, спала на досках, без матраца. Когда летом, в жару, во время похода хотелось пить, она не прикасалась к воде...

Почему она так поступала, она и сама, вероятно, не смогла бы объяснить. Может быть, потому, что, как многие юноши и девушки предвоенного времени, была увлечена романтикой подвига. Ей нравились красивые, сильные духом люди. Вместе с тем она интуитивно чувствовала, что впереди ее ждут большие испытания.

По натуре своей она не смогла бы вести тихую, спокойную жизнь, оставаясь в стороне от главных событий.

А события приближались – угроза войны нарастала, становилась все более определенной...

В памятный день 22 июня 1941 года она, как обычно, с утра пришла в читальный зал и заняла место у окна. Весенняя экзаменационная сессия подходила к концу. Оставался последний экзамен – математика, и Руфа могла считать себя студенткой третьего курса.

В зале стояла тишина, та привычная рабочая тишина, какая бывает в читальных залах, где каждый целиком поглощен своим делом. Прошло часа полтора, когда Руфа услышала шум и удивленно подняла голову. На передних столах, тех, что ближе к выходу, она заметила какое-то непонятное оживление. Шум волной катился по рядам столов, приближаясь к концу зала, где сидела Руфа. Студенты вставали, поспешно складывали книги. Внезапно какая-то девушка высоким голосом крикнула на весь зал:

– Война, товарищи! Началась война...

Война!.. Руфе не верилось, что можно вот так просто узнать о таком страшном несчастье. На рассвете фашисты бомбили наши города, где-то уже идут бои...

Это была правда, которая с трудом доходила до сознания. Война – а светит солнце, светит так же, как и всегда! И на железной ограде с любопытством вертят головками воробьи. А завтра – экзамен... Жизнь еще никак не изменилась.

И в то же время именно в эти минуты все менялось: разрушались планы, ломались судьбы, что-то казавшееся недавно важным становилось ничтожно мелким.

Потому что с этого момента главным в жизни стала война, и все остальное подчинялось ей.

На следующий день Руфа коротко остриглась и стала похожа на мальчишку. Она еще точно не знала, что именно будет делать, но уже была готова ехать туда, куда ее пошлют. Экзамен по математике был сдан. Профессор похвалил Руфу за оригинальное решение задачи. А спустя неделю вместе с отрядом студенток-комсомолок она уехала под Рязань в колхоз.

Два месяца девушки работали в поле. Окучивали и пололи

свеклу, убирали сено. Руфа работала до изнеможения, подавляя в себе растущую тревогу и ожидая того момента, когда, наконец, им разрешат вернуться назад, в Москву. Она твердо решила идти воевать.

Кончилось лето, и в первых числах сентября было, наконец, получено распоряжение об отъезде. В Москву ехали поездом из Рязани. Девушки пели песни, а поезд мчался, и плыли, плыли мимо окон деревни, столбы, полустанки. Руфа смотрела в окно, прислушиваясь к стуку колес, и ей казалось, что в веселом ритме, все время повторяющемся, звучат слова: «Е-дем-в-Мо-сквуе-дем-в-Мо-скву...»

На одной из станций состав остановился. Все высыпали на небольшой перрон. В это время со стороны Москвы медленно подошел другой поезд.

– Смотрите – санитарный!

Действительно, на вагонах выделялись красные кресты, а из окон смотрели раненые – кто с перебинтованной головой, кто с рукой...

Потихоньку «ходячие» стали спускаться на перрон, чтобы подышать свежим воздухом. Руфа смотрела на них со смешанным чувством восхищения, любопытства и жалости. Эти люди были в бою. И, наверное, в тяжелом бою. Они были там, на фронте, всего несколько дней назад. Они знали и видели что-то такое, чего не знала и не видела она.

Раненые курили, медленно ходили вдоль поезда, сидели на скамейках. Некоторые шутили, пытаясь завязать разговор с девушками.

Молодой паренек с перебинтованным плечом и рукой на перевязи подошел к Руфе и спросил:

– Далеко ли едете?

– В Москву.

– А мы вот назад... Подальше.

– Ну, как там, на фронте?

– Да по-всякому...

И хотя он ответил неопределенно, она с болью в сердце подумала, что, в общем, дела плохи.

– А вы, из каких войск?

– Артиллерист я. Три дня всего только и повоевал.

Парень грустно улыбнулся и вынул из кармана пачку папирос. Здоровой рукой попытался открыть ее.

– Давайте я помогу, – сказала Руфа и, взяв у него пачку, вынула папиросу. Потом зажгла спичку. Парень прикурил.

– Спасибо.

Он поглядел по сторонам.

– Много девчат. Студентки?

– Из университета. Работали тут, под Рязанью.

– Теперь, значит, опять учиться.

Он помолчал, внимательно посмотрел на Руфу и неожиданно спросил:

– А можно, я напишу вам... в Москву? Писать мне теперь некуда, у нас там теперь немцы под Витебском...

– Можно, – согласилась Руфа и на клочке бумаги написала свой адрес.

– Вот спасибо, – обрадовался он.

– Только и я могу уйти воевать. Так что если ответа не будет, то не обижайтесь.

– Я сразу же напишу, – пообещал парень.

В этот момент раздался предупреждающий гудок паровоза, и Руфа стала прощаться. Девушки уже спешили к поезду.

Снова застучали колеса и запели свою прежнюю песню. А Руфа все думала о молодом пареньке, которому так хотелось кому-нибудь написать... В Москву поезд прибыл во второй половине дня. На Казанском вокзале было шумно и людно. Загорелые, запыленные, как черти, девушки привлекали всеобщее внимание. В метро москвичи с любопытством разглядывали их и, переговариваясь между собой, делали предположения:

– Беженцы, наверное... Из оккупированных районов.

А «беженцам» было безразлично. Пусть думают что хотят. Они приехали домой.

Москва... Руфа обрадовалась ей, как старому надежному другу. Обрадовалась городской суете, гудкам машин, звону трамваев. Москва была все та же, прежняя, и в то же время другая, военная. Она заметно посуровела, возмужала, надев защитную военную форму.

Мрачноватые здания, выкрашенные в серый цвет, на окнах – полоски бумаги крест-накрест, на площадях и в скверах – зенитки, аэростаты заграждения...

Как и договорились, Руфа и ее подруги Катя Рябова и Надя Комогорцева сразу по приезде обратились в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Там обещали, что, когда понадобится, их вызовут. И девушки ждали. Впрочем, не ждали, а усиленно готовились, совершенствовались в стрельбе, занимались в школе медсестер.

Однажды, придя в университет, Руфа узнала от подруг о том, что ЦК комсомола объявил набор девушек комсомолок в авиационную часть. Снова Руфа услышала имя Марины Расковой, известной летчицы, Героя Советского Союза. Всего года три назад

это имя стало известно всей стране. Будучи штурманом самолета «Родина», Раскова вместе с летчицами Валентиной Гризодубовой и Полиной Осипенко совершила героический перелет из Москвы на Дальний Восток. Теперь Раскова набирала девушек в авиационные полки. Это было здорово! Одно беспокоило Руфу: возьмут ли...

– Катя, ведь мы не умеем летать...

– А разве там только летчики? Нужны люди и на земле...

– Я бы пошла кем угодно!

– Мы же стрелять умеем. А стрелки, наверное, тоже нужны...

На следующий день Руфа спешила по московским улицам, обгоняя прохожих. В кармане у нее лежала рекомендация от бюро комсомола университета. Теперь все зависело от нее самой – добьется ли она, докажет ли, что ее место на фронте...

Было сухое октябрьское утро. Стояла золотая осень. Пожелтевшие листья еще прочно держались на деревьях, светило солнце, но воздух был по-осеннему холодным. Руфа старалась вообразить, как встретится она с Расковой. Ей представлялась красивая женщина в шлеме, которая улыбалась со страниц газет ясной, открытой улыбкой.

У входа в серое массивное здание на углу Маросейки, где помещался ЦК комсомола, Руфа задержалась. Перед ней, весело переговариваясь, шли девушки в военной форме. В пилотках, подтянутые, туго подпоясанные ремнями. По голубым петлицам она поняла – летчицы. Их, конечно, там ждут. Руфа оглядела себя: синие матерчатые тапочки на резиновой подошве, старое перелицованное пальто... Да ничего! Выпрямившись, она решительно потянула на себя дверь...

В переполненном коридоре второго этажа десятки девушек стояли группами, сидели на подоконниках, возбужденно переговаривались. Все поглядывали на тяжелую дубовую дверь, за которой заседала отборочная комиссия.

Здесь Руфа встретила Катю и Надю и других студенток со своего факультета. В центре университетской группы стояла Ирина Ракобольская, высокая энергичная девушка, которую Руфа много раз видела в бюро комсомола университета. Она охотно и уверенно отвечала на вопросы, отвечала весело и так, будто все знала, и от нее зависело, как поступит комиссия в том или ином случае. На самом же деле знала она не больше других, а шутливо-уверенный тон нужен был ей только для того чтобы успокоить девушек, иным из которых мелочи казались серьезными проблемами.

Дуся Пасько, темненькая миниатюрная девушка, самая маленькая ростом, встревожено спрашивала:

– А на рост очень обращают внимание?

– Я думаю, что и по твоему росту найдется работа, – отвечала Ирина. – Тебе поручат осмотр шасси...

Дуся смеялась вместе со всеми и ненадолго успокаивалась.

– У меня всегда не очень получалось с физкультурой. А ведь это важно, – полувопросительно-полузадумчиво говорила Женя Руднева, глядя на Ирину большими серьезными глазами.

– Ничего, подтянешься. Жизнь заставит! До сих пор ты у мамы под крылышком жила...

Руфу не тревожили подобные вопросы. Она была хорошей спортсменкой, крепкой и закаленной. Но все-таки она волновалась. Потому что ей очень хотелось попасть в армию, потому что сейчас должна была решиться ее судьба.

Дождавшись своей очереди, Руфа вошла. Среди незнакомых женщин в военной форме она сразу угадала Раскову по Золотой Звезде на груди. Раскова была в темной гимнастерке, на гладких волосах, собранных в пучок, – синий берет. Подняв голову от бумаг, Раскова внимательно взглянула на Руфу. Нет, она не улыбалась той ясной и открытой улыбкой, какая запомнилась Руфе по газетам. Взгляд ее был серьезным, но в то же время дружелюбным и ободряющим.

– Фамилия?

– Гашева.

Руфа протянула рекомендацию. Раскова улыбнулась.

– Тоже из университета?

– Да.

– Как со здоровьем?

– Все хорошо.

Руфу спросили, на каком курсе она учится, москвичка ли она, занимается ли спортом. Узнав, что Руфа хорошо стреляет, изучила пулемет, Раскова обрадовано сказала:

– Ну, вот и отлично! Запишем вас в группу вооруженцев. Не возражаете?

Руфа быстра кивнула. Она не имела понятия, что такое «вооруженец», на это было неважно. Главное, ее куда-то запишут! Берут!

– Завтра пройдете медицинскую комиссию, – сказала одна из помощниц Расковой и по-военному распорядилась: – Можете идти.

Перед тем как явиться на сборный пункт, Руфа должна была сообщить обо всем маме. Дома, кроме брата Коли, никого не оставалось: отчим находился в командировке, младший брат Борька у тети Гути, маминой сестры, а мать лечилась в санатории. Руфе не хотелось расстраивать больную маму, она

долго думала, как же ей поступить, – и придумала. Вечером села писать письма. Написала сразу около десятка писем и отвезла тете, которая жила за городом.

– Тетя, – сказала она, – я ухожу в армию. Это для мамы. Там я написала, что меня посылают в школу пулеметчиков, где я должна обучать стрельбе тех, кто уходит на фронт. Пусть мама не волнуется...

– А где ты будешь на самом деле? – спросила тетя с тревогой.

– Я еще не знаю точно. Ничего не знаю. Напишу вам. А вы пока посылайте маме по письму раз в неделю. Можно и чаще...

– Хорошо, хорошо, девочка, ты только береги себя.

Тетя заплакала. Она плакала молча и сквозь слезы что-то шептала, но отговаривать Руфу не пыталась, зная, что это все равно не поможет: если девочка так решила, то ничто ее не остановит.

– Не плачьте, тетя. Я буду вам писать. Обязательно. Вот только Колю и Борьку...

– Не волнуйся. Я посмотрю за ними. Все будет хорошо...

Сборный пункт находился в здании академии имени Жуковского. Сюда в течение двух недель съезжались женщины-авиаторы из разных городов страны. Здесь собралась большая группа квалифицированных летчиц и техников, а также совсем еще не обученных девушек-комсомолок – студенток и работниц московских предприятий, которые впоследствии стали штурманами и вооруженцами.

Когда выдали военную форму, не обошлось без курьезов. Тоненькая казашка Хиваз Доспанова трижды обернула широкий скрипучий ремень вокруг талии. А у Дуси Пасько, которую очень беспокоил маленький рост, шинель влачилась по полу. Девушки утопали в гимнастерках, воротники болтались как хомуты, огромные кирзовые сапоги не держались на ногах.

И все же форма как-то сразу заставила всех подтянуться. Руфа быстро освоилась с ней. Когда-то, учась в стрелковой школе, она тоже носила форму, и ей это нравилось.

Понемногу девушки привыкали к новой, военной жизни. Подъем, зарядка на улице, завтрак, занятия... Все в строго определенное время, по расписанию.

По ночам душераздирающе выли сирены, предупреждая о воздушном налете. Тогда девушки в обязательном порядке шли в ближайшее метро «Динамо», в тоннель, чтобы там переждать налет.

Раскову Руфа видела в эти дни только мельком: она руководила формированием и была по горло занята

хозяйственными и организационными делами. Но однажды Марина Михайловна собрала всех и рассказала о планах на будущее. Вся группа должна была ехать в город Энгельс в летную школу, чтобы там пройти ускоренными темпами курс теоретической и практической подготовки.

...Ранним осенним утром колонна девушек в серых шинелях тронулась в путь. На московских улицах, припорошенных свежим снегом, было пустынно. Только кое-где уже собирались очереди перед магазинами. До Казанского вокзала, где ждал товарный эшелон, который должен был увезти их из Москвы, шли долго.

Шагая по заснеженной мостовой, Руфа думала о том, что теперь все уже окончательно решилось: она будет воевать. И хотя сначала им предстояло ехать на восток, в тыл, а не на фронт, Руфе казалось, что именно в это осеннее утро 1941 года она едет на войну, прямо в бой.

Одно только угнетало: фронт неумолимо приближался к Москве, и как раз в это тяжелое время нужно было покидать ее... Город стоял притихший, настороженный, ощетинившись дулами зениток, прикрывшись белым покрывалом раннего снега, словно маскировочным халатом. Редкие прохожие останавливались, молча провожая взглядом колонну.

Внезапно из одной очереди выбежала женщина и пронзительным голосом крикнула:

– Девоньки! Воюйте там, как следует! Бейте его, проклятого! Бейте!

Высоко подняв руку, она погрозила кому-то кулаком, платок соскользнул с ее головы на плечи, ветер растрепал седые волосы. Она молча постояла на тротуаре, будто задумавшись о чем-то, потом медленно пошла к очереди.

Сердце у Руфы больно сжалось. Долго она не могла забыть этот надрывный крик...

Поезд отошел, когда уже вечерело. Руфа стояла у открытой двери теплушки, прислонившись к стенке, и смотрела в темнеющее небо, на живую сеть, сотканную из лучей прожекторов: в городе была объявлена воздушная тревога. Между лучами вспыхивали искорки зенитных разрывов. Кто-то тихо запел:

Дан приказ ему на запад,
Ей – в другую сторону...

Стучали колеса вагонов. Москва постепенно отдалялась...

Летная школа. Здесь Руфа впервые увидела большой аэродром и на нем самолеты, самые разные: тяжелые

четырехмоторные ТБ-4, похожие на стрекоз двукрылые Р-6 и У-2, низенькие СУ-2, серебристые СБ, учебные и боевые, истребители и бомбардировщики.

Вскоре после прибытия был окончательно утрясен состав групп, летной, штурманской и технической, созданных на время учебы. Руфу и ее университетских подруг перевели в штурманскую группу. Девушки обрадовались, так как это значило, что они будут летать.

Потекли дни. Ежедневно – по десять, двенадцать часов занятий. Руфа изучала навигацию, аэродинамику, бомбометание. Шли занятия по стрельбе из пулемета, пистолета, ну и, конечно, изучение уставов и строевая подготовка.

В штурманской группе часто вела занятия Марина Михайловна Раскова. Несмотря на свою загруженность другими делами, она находила для этого время. По тому, с какой увлеченностью рассказывала Раскова о полетах, о способах самолетовождения, можно было догадаться, как любит она свою профессию. Эту любовь она умела передать и «новобранцам».

Марина Михайловна казалась девушкам идеалом человека. Что-то было в этой женщине такое, что притягивало к ней, заставляло удивляться и восхищаться ею. Некоторая сдержанность в движениях и словах и вместе с тем кипучая энергия, скрытая где-то внутри и проявляющаяся во всем, что она делала, сочетались в ней с женским обаянием и большим мужеством.

Руфа смотрела, как Марина Михайловна ходит по классу и, не спеша, очень просто и понятно объясняет новый материал, как вспыхивают в ее глазах радостные огоньки, когда она замечает быстрые успехи своих учениц. Часто представляла она себе эту женщину во фронтовой обстановке, в трудных условиях, и воображала, как поступила бы Раскова в том или ином случае.

Прошла осень с дождями и ветрами, с непролазной грязью на дорогах. Незаметно наступила зима. Декабрь принес радостное известие о разгроме немцев под Москвой. Слушая по радио сообщение Совинформбюро, Руфа глотала слезы. Москва выстояла, враг потерпел поражение! Хотелось скорее на фронт, чтобы гнать гитлеровцев, гнать дальше с советской земли...

И вот наступил день, когда начались практические занятия штурманов, или, иначе говоря, тренировочные полеты.

Собираясь на аэродром, Руфа волновалась. Шутка ли – первый полет! Хотелось поскорее узнать, что это такое – быть в воздухе, летать.

На улице мороз холодил щеки. Сухой, рассыпчатый снег сверкал под солнечными лучами, поскрипывал под ногами,

отмечая каждый шаг. Идти по белому полю было легко и весело.

Издали самолеты казались игрушечными. Возле них двигались маленькие фигурки людей, совсем одинаковые. У крайнего самолета носился с веселым лаем Дружок, значит, там были Надя и Катя: жизнерадостный пес очень привязался к Наде и всюду сопровождал ее. Вскоре Руфа услышала Катин голос:

– Гашева-а! Сюда!

Катя махала рукой, маленькая, похожая на шарик, в теплом меховом комбинезоне, шлеме и мохнатых унтах. Руфа сошла с протоптанной дорожки и направилась к самолету. Навстречу ей устремился Дружок.

– Наше звено летит первым, – сообщила Катя.

В звено входили они втроем, и Катя была назначена штурманом звена.

Светлобровая Надя с розовыми, словно накрашенными щеками и сияющими синими глазами уже приготовилась к полету.

– Я уже три раза садилась в кабину, а летчика все нет...

Вскоре пришла летчица. Спросила:

– Ну, кто первый?

– Комогорцева первая.

Надя забралась в кабину, помахала рукой... Минут через двадцать самолет сел. Вылезая, Надя рассказывала под шум мотора, работающего на малых оборотах:

– Как интересно! Сверху все-все видно... Мы и над городом пролетели! И над Волгой!

Руфа быстро влезла на крыло, уселась в кабине. Самолет порулил на старт, а через минуту он уже бежал по белому полю, разбрасывая снежную пыль. Бежал ровно и отделился от земли без толчка, почти незаметно. Руфа вдруг ощутила, что она – в воздухе, летит! От сознания того, что она, как птица, летит над землей, сильнее забилось сердце и захватило дух. Высота росла, и все меньше и меньше становились внизу дома, ангары, дороги.

Лететь было приятно. Ровно гудел мотор. Пропеллер, вращаясь, рисовал в воздухе прозрачный диск. За белой далью, словно приподнятая над землей, чуть темнела линия горизонта. При развороте одно крыло опускалось, зато второе взмывало вверх, в голубизну.

Когда Руфа смотрела на крыло, устремленное в небо, то ей казалось, что оно не движется. Плавные очертания серебристого крыла – и голубое небо...

Она была счастлива. Ей хотелось, чтобы полет все продолжался. Хотелось подольше побыть в этом новом для нее волшебном мире.

Когда самолет сел, летчица спросила:

– Ну, понравилось?

– Очень!

– А на какой скорости летели? На приборы смотрела?

– Н-нет...

Летчица засмеялась.

– Значит, в самом деле, понравилось!

Зима на Волге была морозной, дули сухие холодные ветры. Девушки ходили с обожженными ветром лицами, но полетов не прекращали.

Полеты, полеты... В то время как летчики отрабатывали технику пилотирования, штурманы летали по треугольнику, на определение ветра, по неизвестному маршруту, на бомбометание.

Руфа летала с увлечением. В воздухе она чувствовала себя уверенно, свои штурманские обязанности выполняла хорошо, метко бомбила, и ей казалось, что, в общем-то, ничего сложного во всем этом нет. Но однажды во время полета погода испортилась, пошел сильный снег. Вокруг стояла сплошная снежная стена, земля не просматривалась. Летчик-инструктор авиашколы, снизившись, летел на небольшой высоте, но и это не помогало. Уже давно нужно было разворачиваться, но деревни, которая служила поворотным пунктом, все не было. Руфа забеспокоилась, поняв, что просто не заметила ее. А летчик летел себе и летел. Наконец, чувствуя, что деревню проскочили, он спросил по переговорному аппарату коротко:

– Куда лететь?

Руфа растерялась. Ей вдруг показалось, что самолет залетел бог знает как далеко. Всегда все было так ясно и понятно, а сейчас... В самом деле – куда? Нужно было дать летчику обратный курс, и она стала прикидывать по карте.

– Курс 190 градусов, – сказала она неуверенно. С этим курсом, она считала, можно было выйти в район аэродрома... Ну, а если они пролетят стороной и не увидят его? Курс ведь не точный... Она подумала и, уже когда летчик начал разворот, поправилась:

– Курс 270 градусов.

– Это почему же? – спросил летчик недовольно. Действительно, разница была слишком велика. Но Руфа объяснила:

– Выйдем сначала на Волгу. Уж реку-то не проскочим. А потом вдоль нее на юг... До самого аэродрома.

Летчик развернулся и теперь держал курс на Волгу. Руфа с тревогой смотрела вниз: кругом было белым-бело. Время тянулось так медленно, что она уже подумала, не проскочили ли

они и Волгу. Наконец сквозь снежную пелену проступили извилистые очертания берега.

– Вот она! Теперь курс на юг, вдоль реки.

Самолет летел низко, почти на бреющем. Через некоторое время Руфа увидела на земле постройки и городок летной школы. Летчик посадил самолет. Он ничего не сказал Руфе. Возможно, он и сам бы нашел аэродром, без ее помощи, но ей почему-то казалось, что не заблудились они только благодаря ней.

Впервые Руфа почувствовала ответственность, настоящую ответственность штурмана за полет.

В феврале 1942 года были сформированы три женских полка: истребительный, полк дневных бомбардировщиков и полк ночных бомбардировщиков. Командиром полка легких ночных бомбардировщиков, куда попала Руфа, назначили Евдокию Давыдовну Бершанскую – опытную летчицу, которая уже несколько лет работала в Гражданском воздушном флоте. Руфа с уважением смотрела на крепкую молодую женщину с приятным лицом, у которой на груди поблескивал орден.

Теперь, когда каждый полк стал самостоятельной боевой частью, тренировкой руководили командиры полков, и в каждом полку летчики и штурманы летали на своих боевых самолетах.

Руфа стала летать ночью на самолете ПО-2. В мирное время он применялся как учебный, а на войне хорошо зарекомендовал себя как легкий ночной бомбардировщик. Малая скорость самолета позволяла бомбить с большой точностью, однако та же малая скорость делала его уязвимым для зенитного огня. Поэтому использовать ПО-2 можно было только ночью.

Первое время, когда Руфа стала летать ночью, ей казалось, что в темноте ничего нельзя рассмотреть, но вскоре она привыкла и стала видеть как кошка. Ее назначили штурманом в экипаж к Ирине Себровой, которая до войны работала летчиком-инструктором в одном из московских аэроклубов. Ира оказалась очень милой, простой и симпатичной, и у Руфы скоро сложились с ней хорошие, дружеские отношения.

Время шло. Приближалась весна и время отлета на фронт.

И вдруг произошла катастрофа...

Экипажи летали на учебное бомбометание. Штурманы бомбили цель на полигоне, где на земле был вы ложен крест из костров. Погасить костры учебными бомбами значило попасть в цель.

Мартовская ночь была темной, небо заволакивали тучи, и в воздухе невозможно было отличить, где земля, а где небо, – сплошная чернота. И никаких световых точек, которые могли бы

служить ориентирами. Только на железнодорожном разъезде в стороне от полигона светились огни семафоров.

В эту черную ночь на полигоне разбились два самолета. Погибли четыре девушки, и среди них – Надя Комогорцева, подруга Руфы. Надя, которая так хотела на фронт...

В середине ночи пошел снег, и погода окончательно испортилась. Самолет, на котором летели Ира и Руфа, при развороте над полигоном на высоте около четырехсот метров вошел в глубокую спираль и стал быстро терять высоту, приближаясь к земле. Ира пыталась вывести его в нормальный полет, но удалось ей это только у самой земли. Скорость снижения еще не была погашена, и ПО-2 стукнулся о землю. Самолет был поврежден. Девушки, к счастью, отделались легкими ушибами.

Гибель четырех девушек явилась первым большим горем в полку. Катастрофа отодвинула срок отлета на фронт почти на два месяца.

И все же он пришел, этот день. Полк ночных бомбардировщиков первым из трех женских полков улетал на фронт.

Было веселое майское утро. Светило солнце, и небо синело так ярко, будто звало ввысь. Там, в синеве, проходила невидимая дорога на фронт.

Новенькие ПО-2, поблескивая крыльями, стояли на зеленом поле аэродрома, готовые к вылету. Сидя в своей кабине, Руфа поглядывала по сторонам. На коленях у нее лежал планшет с картой, где был проложен маршрут полета. Карта была огромная – Руфа склеила несколько больших листов и сложила гармошкой. Маршрут проходил через Сталинград к реке Миус, по которой тянулась линия фронта...

Вылет затягивался. В передней кабине ведущего самолета сидела Бершанская, командир полка, и нетерпеливо поглядывала на Раскову, которая широким шагом ходила рядом, давая последние указания. К Расковой то и дело подбегали техники, что-то выясняли, уточняли. И сама она кому-то махала рукой, что-то кричала. У кого-то не запускался мотор, кто-то не успел занять свое место.

Наконец все готово. Самолеты ведущего звена дружно начинают разбег и взлетают. За ними остальные. В воздухе весь полк собирается в общий строй. Курс – на юг. На фронт.

Первое место базирования полка – небольшой донбасский поселок Труд Горняка. Чистенький, с белыми хатками и улицами, поросшими травой.

Сначала Руфа никак не могла связать понятие «фронт» с этим

аккуратненьким зеленым поселком. Ей всегда представлялось, что прифронтовая полоса – это что-то грохочущее и содрогающееся от стрельбы, где нужно постоянно куда-то прятаться, где непременно холодно, голодно и тесно... А здесь было тихо и спокойно. Правда, изредка пролетали над головой вражеские бомбардировщики, и время от времени раздавались глухие взрывы на близлежащей железнодорожной станции...

Аэродромом служило большое поле, на котором росла густая трава. Жили девушки в поселке.

Несколько дней Раскова оставалась вместе с полком, пока не передала его в руки нового начальства. Убедившись, что полк принят в дивизию, она собралась лететь назад, в Энгельс.

Перед отлетом Марина Михайловна собрала весь полк. Стояла жара. В тесной комнате было душно. В окна светило заходящее солнце, его мягкие оранжевые лучи падали на стену ровными прямоугольниками. От солнечных лучей ярко горела красная скатерть на столе, розовато светилось лицо Марины Михайловны, стоявшей у стола.

Руфа слушала Раскову, смотрела на нее, взволнованную, раскрасневшуюся, и ей казалось, что вся она пронизана светом, исходящим откуда-то изнутри.

– Нелегко придется вам на фронте, – говорила Раскова. – Ведь вы – первый боевой полк, в котором нет ни одного мужчины. Естественно, что вам придется приложить немало усилий, чтобы доказать боеспособность полка. Но я уверена: вы, девушки, выдержите все испытания. Я надеюсь, что вы добьетесь гвардейского звания!

Больше Руфе никогда уже не пришлось увидеть Раскову. Спустя семь месяцев во время перелета на фронтовой аэродром Марина Михайловна разбилась.

Ее самолет попал в полосу сильного снегопада и врезался в гору...

Почти три недели полку не давали боевого задания. Из дивизии и армии приезжали бесконечные представители и комиссии, проверяли, изучали. Было ясно: на девушек смотрели с недоверием. Но делать нечего, пришлось начальству примириться с тем, что существует такой полк, где нет мужчин, где – одни девчонки...

И вот наступила первая боевая ночь. С приходом темноты на задание вылетели один за другим три самолета. Открыла счет боевых вылетов полка Евдокия Давыдовна Бершанская. Следом за ней поднялись в воздух командиры эскадрилий Амосова и

Ольховская.

В следующую ночь летал весь полк, обе эскадрильи. К первому боевому вылету Руфа приготовилась со всей тщательностью. Точно рассчитала маршрут, проверила данные для бомбометания, разложила в кабине все предметы штурманского снаряжения.

Самолеты были готовы к вылету задолго до наступления темноты. С подвешенными бомбами они стояли на поле, рассредоточенные в шахматном порядке, освещенные косыми лучами заходящего солнца. Руфе казалось, что время тянется бесконечно долго…

В нескольких километрах от аэродрома базировался еще один полк той же дивизии, в котором летчики летали тоже на самолетах ПО-2. У них уже был некоторый боевой опыт, и многие из них в этот день пришли посмотреть на первый боевой вылет девушек.

– Вы штурман?

Руфа обернулась и увидела высокого голубоглазого парня, младшего лейтенанта, который, улыбаясь, ждал ответа.

– Да. А откуда вы знаете?

– Я все знаю. А зовут вас… – подумав, он сказал: – Руфина Гашева.

Руфа удивленно подняла брови. Потом, проследив за его взглядом, рассмеялась: на планшете химическим карандашом было выведено ее имя.

Младший лейтенант представился:

– Будем знакомы. Пляц. Михаил Пляц.

Она протянула руку.

– Очень приятно.

- А вы не боитесь?

– Кого? Вас? – улыбнулась Руфа.

– Нет, лететь. На боевое задание.

– А-а-а. Нет, не боюсь.

– Напрасно. Там стреляют. Иногда, даже очень сильно. Я вот каждый раз боюсь…

Он говорил с серьезным видом, и непонятно было, шутит он или нет. Руфа нахмурилась.

– Вы познакомились со мной для того, чтобы сказать это?

– Нет, зачем же. Просто хочется предупредить вас. И вообще я бы не пускал девушек в полет… Что мы – сами не справимся? Кто это придумал…

– Ну, знаете! Что это у вас за взгляды?

В это время его кто-то позвал.

– Простите.

Легкой походкой он зашагал в сторону, высокий, худощавый. Подошла Ира и спросила:

– С кем это ты говорила?

– Не знаю. Какой-то Михаил.

Вскоре она забыла о нем. Солнце зашло, земля стала серой. Наступала темнота. Здесь, на юге, темнело быстро. На лиловом небе показались первые звезды.

Со старта была подана команда первым самолетам приготовиться к вылету. Зарокотали моторы. Самолеты стали медленно подруливать к линии старта.

Пока Ира рулила, Руфа вынула бортжурнал, чтобы сделать в нем первую запись. Вдруг сквозь шум мотора Руфа услышала голос: – Гашева!

Рядом с самолетом шагал Михаил и, улыбаясь, махал ей рукой.

– Я не успел пожелать вам успешного вылета! Там не так уж страшно... Ни пуха, ни пера!

– К черту! – крикнула ему Руфа.

– Вот это я понимаю!

Полет прошел самым обыкновенным образом. Все было спокойно, никто не стрелял. Руфа сразу нашла небольшой населенный пункт, вблизи от которого находился лесок, где стояли немецкие автомашины. Бросив бомбы по цели, она увидела взрывы. Все было очень просто, настолько просто, что она почувствовала даже разочарование.

– Ира, почему же не стреляли?

– Наверное, тут нет зениток.

– Как в обычном тренировочном полете...

Девушки не знали, что для первых боевых вылетов командование специально выбирало слабо укрепленные объекты, чтобы ввести молодых летчиц в боевую обстановку постепенно.

Но уже через два дня их самолет был обстрелян. Во время разворота над целью снизу брызнули пулеметные очереди. Яркие огоньки вспыхнули перед мотором. Ира успела резко отвернуть самолет. Бомбы уже были сброшены, и теперь Ира спешила быстрее уйти от того места, где стрелял зенитный пулемет.

– Ну вот, теперь я чувствую, что мы не зря бомбим! – радовалась Руфа.

Однако настоящее боевое крещение девушки получили под Таганрогом, где стояли десятки зенитных и прожекторных установок. Зенитки стреляли не переставая. Разрывы снарядов оглушали сухим треском, самолет дрожал, пахло гарью...

После этого вылета Ира сказала:

– Теперь ты должна просто прыгать от счастья. Нас ведь по-

настоящему окрестили...

В июле 1942 года гитлеровцы прорвали оборону советских частей на реке Миус и двинулись в наступление. Нашим войскам пришлось отходить.

Отступая, полк не прекращал боевой работы. Днем обычно перелетали на новое место, быстро, на ходу подыскивая пригодные площадки, а ночью летали бомбить наступающего врага, его войска и технику на переправах через Дон, на дорогах.

Путь отступления лежал от Ростова через Сальские степи к предгорьям Кавказа. В широких просторах Сальских степей действовали немецкие танки, и дважды по тревоге девушкам приходилось садиться в самолеты и спешно покидать свои летные площадки, спасаясь от танков.

В первые дни боев погибли командир эскадрильи Люба Ольховская и штурман эскадрильи Вера Тарасова. В полку были произведены некоторые перемещения людей по должности, и Руфу назначили летать с другой летчицей – Ольгой Санфировой. Руфа стала штурманом звена, а Ольга заместителем командира эскадрильи.

Ольга, или, как все ее звали, Леля, была старше Руфы лет на пять. Темноволосая, с мягкими карими глазами и еле заметной улыбкой, таившейся в уголках рта, она казалась очень женственной. Однако характер у нее был решительный. Руфу немного пугала сдержанность, даже замкнутость новой летчицы, и долго между ними не могли установиться дружеские отношения. Несмотря на то что им все время приходилось быть вместе, Леля больше дружила с Тосей, своим механиком.

К Руфе Леля относилась как к девочке, которая мало смыслит в авиации. Сама она уже имела стаж летной работы, и, видимо, ей нелегко было привыкнуть к тому, что в полете она должна слушаться Руфу, своего штурмана, которая начала летать только недавно. Да и Руфа чувствовала себя перед Лелей девчонкой и злилась на себя за это. Хотя в общем Леля чем-то нравилась ей. Наверное, своей смелостью, независимостью.

Стояло жаркое лето. По дорогам шли отступающие войска, ехали повозки, машины. Сухая пыль висела в воздухе, не оседая.

Руфа похудела, осунулась. Спать приходилось мало: ночью летали бомбить, а днем перебазировались, отступая все дальше и дальше на юг. Она все ждала, что кончится отступление... Должно же оно кончиться! Но поток отступающих войск продолжал катиться.

Степи, степи... Станицы, хутора, конезаводы...

Наконец, последний перелет – к Тереку и дальше к городу Грозному.

На новое место Леля и Руфа вылетели уже под вечер. Еще светило солнце. Маршрут лежал к поселку Эльхотово на Тереке. Пока они летели, солнце зашло. Кавказские горы, которые Руфа видела далеко на горизонте, приблизились. По мере того как самолет подлетал к ним, они вырастали, становились все выше, выше, и, наконец, превратились в огромную высокую стену с острыми пиками скалистых вершин. Вершины гор еще были освещены косыми лучами солнца, а внизу уже лежал мрак.

Руфа впервые видела горы. Настоящие большие горы. Да и Леле не приходилось их видеть. Маленький ПО-2, который летел сначала на бреющем, испугавшись высокой стены, выросшей впереди, стал забираться выше и выше, хотя надобности в этом не было: поселок Эльхотово лежал у подножия небольшого хребта, который расступался в этом месте, чтобы пропустить бурлящий Терек.

– У нас уже восемьсот метров, – напомнила Руфа летчице.

Леля кивнула.

– Может быть, спустимся?

Та снова кивнула и, сбавив обороты мотора, перешла на планирование.

Внизу земля совсем потеряла краски, и казалось, что все мелкие речушки, и небольшие хребты, и долины затянуло туманом. Руфа внимательно разглядывала землю, но никак не могла найти Эльхотово. Темнота наступила быстро, как это всегда бывает на юге.

– Я не вижу нашей точки, – виновато сказала она.

Леля промолчала. Она не следила за ориентировкой, рассчитывая, что маршрут простой и Эльхотово нетрудно будет найти. Но горы… они помешали.

– Посмотри внимательней, – сказала Леля Руфе.

Руфа изо всех сил пыталась разобрать, где они сейчас летят, но ничего не получалось. Невысокого хребта, который пересекал маршрут, не было. А может быть, они пролетели над ним на большой высоте, не заметив его. Теперь самолет летел на высоте сто метров. Внизу проплывали ровные площадки, небольшие населенные пункты. Впереди высились огромные горы.

– Давай свернем на восток. Терек, наверное, остался слева…

Молча Леля продолжала лететь, ничего не отвечая, но и не сворачивая.

– Может быть, лучше вернуться? – нерешительно предложила Руфа.

Она не знала, как говорить с ней, с этой Лелей, которая все делала по-своему. Нет, она совсем не признавала Руфу как штурмана.

– Будем садиться!– неожиданно сказала Леля. Она словно хотела подчеркнуть, что никаких дискуссий быть не может и что Руфино мнение ее не интересует.

– Куда садиться? – все-таки спросила Руфа. Леля уже снижалась на ровную площадку. Когда самолет остановился, она выключила мотор, выпрыгнула на траву и, не глядя на Руфу, произнесла:

– Завтра утром найдем свою точку. Переночуем здесь. В самолете.

Сидя в кабине, Руфа думала и думала. Спать она не могла. Ей было обидно, но она старалась сдержать себя, старалась доказать самой себе, что неправа. Да, она еще молодой штурман, и нет у нее большого опыта. И, конечно, Леля чувствует это на каждом шагу. Значит, она должна делом доказать Леле, что с ней нужно считаться. Делом!

Утром они легко нашли Эльхотово.

В предгорьях Кавказа гитлеровцы были остановлены. Как ни стремились они прорваться дальше на юг, к нефтяным районам Грозного и Баку, им это не удалось.

Неподалеку от Грозного, в небольшой зеленой станице Ассиновской, полк простоял почти полгода. Отсюда ПО-2 летали бомбить врага в районе Терека, под Моздоком, Прохладным, Ардоном, Малгобеком.

Иногда гитлеровцы бомбили нефтехранилища в Грозном, и тогда долину, в которой находились станица и летная площадка, заволакивало густым дымом. Горела нефть.

Летать ночью в горах, где погода меняется внезапно, было сложно. Глубокой осенью здесь, на Северном Кавказе, обычным явлением были частые туманы, которые неожиданно закрывали весь район полетов, низкая облачность, дожди.

Несмотря на сложные условия, полк работал каждую ночь. Если с вечера погода не позволяла летать, экипажи ждали на аэродроме, пока рассеются густые тучи или прекратится дождь. Девушки бомбили вражеские передовые позиции, переправы через Терек, склады с боеприпасами и горючим, огневые точки...

Шли месяцы. Летчики и штурманы приобретали боевой опыт. Руфа зарекомендовала себя как штурман-снайпер. Она бомбила с большой точностью, под обстрелом и вообще в трудных ситуациях вела себя мужественно. Постепенно Леля привыкла к своему штурману, и теперь, когда Руфу забирали у нее, назначая лететь с другим летчиком, она была недовольна.

После одного особенно сложного полета Руфа стала пользоваться полным доверием у Лели. Они получили задание

бомбить немецкую технику в укрепленном районе под Моздоком. Над аэродромом – обыкновенной ровной площадкой у подножия горного хребта – светили звезды, и погода обещала быть устойчивой. Но уже за горным хребтом навстречу самолету стали попадаться полосы облачности. Облака плыли низко, на высоте не более трехсот метров.

Цель оказалась закрытой облаками. Руфа сказала:

– Подождем несколько минут. Облака пройдут...

Леля стала в вираж. Самолет кружился в районе цели, пока она не открылась. И тут же внизу зажглись прожекторы, в небо потянулись длинные пулеметные трассы. Леля убрала газ, чтобы приглушить звук мотора. Широкие лучи качались в поисках самолета.

Бросив бомбы, Руфа сказала:

– Держи пока курс сто восемьдесят...

Цель снова закрыло облаками. Видно было, как все еще ползают по облакам светлые пятна – прожекторы искали самолет. Потом стало темно – прожекторы выключились.

С востока быстро наползал второй ярус облаков, более высокий, толщиной в несколько сот метров. Было ясно, что теперь уже закрыты и аэродром, и вся долина, и горы.

Назад летели в сплошной облачности. Кругом висел белесоватый туман. Он окутывал самолет, оседая каплями на обшивке, на приборах. Лицо и руки стали мокрыми. По щекам и за воротник стекали капли воды...

– Леля, возьми поправку на ветер: пятнадцать градусов левее.

Новые данные ветра Руфа определила, насколько это было возможно, перед бомбометанием, когда они выжидали.

Так они летели до тех пор, пока, по расчетам Руфы, не прилетели в район аэродрома. Тогда она сказала:

– Через три минуты аэродром. Сейчас мы приближаемся к хребту...

Руфа напряженно всматривалась в густой туман, но ничего не было видно. Минуты тянулись бесконечно. Казалось, что самолет давно уже пролетел и горный хребет, и аэродром и сейчас врежется в высокие горы, окружающие долину... А что, если они отклонились в сторону и летят не в том направлении? Снизиться нельзя – кругом горы...

Леля молчала. Видно, и ей приходили в голову невеселые мысли.

Наконец, Руфа произнесла как можно увереннее:

– Леля, пора пробивать... Начинай!

Леля колебалась. Пробивать облачность можно было только наверняка, иначе...

– Ты уверена?

– Уверена.

Леля убрала газ и перешла на планирование. Снижаясь, самолет, уходил все глубже и глубже в сырую мглу. Что их ждало там? Стрелка высотомера переползла через цифру 400.

Внезапно туман посветлел, приобрел зеленоватый оттенок и снова померк. Потом стал розоватым...

– Ракеты! Это стреляют ракетами на аэродроме! – воскликнула Руфа.

Пятна то зеленые, то красные стали обозначаться отчетливее. Стреляли правее, и Леля направила самолет прямо туда.

На высоте двухсот метров самолет вынырнул из облаков. Внизу прямо под ними был аэродром, освещенный причудливым светом взмывающих кверху ракет.

– Долго искали? – спросила командир полка.

– Нет, что вы! Гашева сразу нашла, – ответила Леля, и Руфа почувствовала, что теперь Леля окончательно признала ее.

Седьмого ноября 1942 года в полку был двойной праздник: к двадцатипятилетнему юбилею Октября девушкам вручали награды. Руфа в этот день получила свой первый орден Красной Звезды. Вместе с ней награждены были десять летчиц и штурманов. Ордена вручал командующий фронтом.

На праздник приехали «братцы» из соседнего полка. Среди них – Михаил. Он сразу нашел Руфу.

– Я приехал специально, чтобы поздравить вас с первой наградой. Подчеркиваю – с первой! Вообще-то я бы, конечно, не пускал девушек на войну...

Летная форма с голубыми петлицами очень шла ему. На гимнастерке сиял орден Красного Знамени.

– Новый?

– Сравнительно...

У него была странная манера шутить. Говорил он совершенно серьезно, и только где-то глубоко в светлых глазах застревала смешинка. А улыбался уже потом широкой открытой улыбкой...

– Вчера я вас встретил, но вы, кажется, не заметили меня.

– Это где же? – удивилась Руфа, вскинув брови.

– За хребтом. Это было в двадцать четыре часа десять минут. Мой самолет летел на цель, а ваш – с цели...

Действительно, оба полка, входившие в одну дивизию, не только базировались по соседству, но и летали часто на цели, расположенные рядом, а иногда и на одну и ту же цель.

В первых числах января 1943 года на Северокавказском фронте началось отступление немецко-фашистских войск.

Потерпев поражение под Сталинградом, гитлеровцы спешно отводили свои войска с Кавказа, опасаясь, как бы они не попали в окружение.

Наши части, преследуя врага, шли за ним по пятам, нанося ему удары и освобождая города и станицы Северного Кавказа, Минеральные Воды, Ставрополь, Кропоткин, Краснодар...

Полк едва успевал перебазироваться с одной точки на другую, догоняя бегущего врага. Часто девушки прибывали на новую площадку на следующий же день после ухода гитлеровцев. Еще дымились пожары, лежали убитые, свежи были пятна крови на снегу... Перелетев на новое место днем, экипажи вечером уже вылетали на боевое задание. Но все же случалось: гитлеровцы уходили так далеко, что не хватало радиуса действия самолета, чтобы лететь на бомбежку.

В феврале, в разгар наступления, пришло радостное известие: полк удостоен гвардейского звания. Это была хорошая награда за ту боевую работу, которую проделал полк на фронте в течение восьми месяцев, главным образом за боевые вылеты в районе Моздока и Орджоникидзе.

Ранняя весна застала полк в одной из станиц на подступах к Кубани. Гитлеровцы здесь упорно сопротивлялись, стремясь закрепиться. Была весенняя распутица, дороги развезло, аэродром раскис, летать было почти невозможно. Однако ночью немного подмораживало, и девушки за это время успевали сделать по нескольку вылетов.

Однажды Леля и Руфа получили задание бомбить переправу.

Ночь была звездная и по-весеннему сырая. До цели летели долго, больше часа. Руфа знала, что переправа хорошо защищена. Там – зенитные пулеметы, прожекторы. Много раз приходилось им с Лелей попадать под обстрел, но пока все обходилось благополучно. Разве только привозили пробоины в самолете...

Самолет приближался к переправе.

Тонкий серп месяца висел над землей. Чуть поблескивала река. Светлели пятнами плавни.

Еще все было тихо. Еще не зажегся ни один прожектор, не раздался ни один выстрел. Но переправа была уже близко, почти рядом. Руфа напряженно ждала момента, когда эта тишина взорвется... Еще немного, может быть десять секунд... И включатся прожекторы, заговорят зенитки...

Это напряженное ожидание, когда еще не стреляют, но вот-вот начнут, Руфа не любила. Уж лучше пусть стреляют, тогда, по крайней мере, все ясно...

Бросив прямо из кабины осветительную бомбу, Руфа высунулась и стала глядеть вниз. Повиснув в воздухе, бомба

осветила реку и узкую полоску переправы. Через переправу проходила прямая дорога, по ней двигались темные квадратики машин.

Зажегся прожектор, за ним еще несколько. Лучи медленно шарили по небу в поисках самолета.

– Леля, будем бомбить с планирования, – сказала Руфа, и летчица послушно убрала газ, сбавив обороты мотора. Теперь ПО-2 почти неслышно снижался в направлении цели. Нужно было спешить, чтобы бросить бомбы, пока самолет не обнаружили.

– Левее, левее... Ныряй под прожектор!

Леля ловко спикировала, так что луч прошел выше самолета.

– Сейчас буду бомбить. Держи курс. Чуть правее... Еще немного... Так!

Самолет слегка качнуло: это отделились одна за другой несколько бомб. Руфа взглянула на высотомер. Он показывал шестьсот метров. Леля продолжала планировать. В тишине ухнули взрывы. Серия бомб перекрыла переправу, причем одна из бомб попала в самое основание.

– Отлично! – сказала Леля.

Руфа промолчала. Ей было приятно услышать похвалу из уст своей летчицы: обычно Леля не хвалила ее.

Застрочили зенитные пулеметы, сначала наугад. Но вот Леля сказала:

– Высота небольшая, больше снижаться нельзя. Я дам газ.

Внизу услышали самолет. Лучи метнулись к нему, совсем близко запрыгали огненные зайчики. Пах-пах! Пах-пах-пах!

Стало очень светло: лучи скрестились. Внизу ярким слепящим светом горели зеркала. Леля на полной скорости, выжимая из самолета все, что могла, уходила к линии фронта. Но лучи скользили вместе с самолетом, не выпуская его из перекрестья.

Внезапно Руфа почувствовала короткий толчок снизу. Чем-то обожгло ногу. Она ощупала унт, но ничего подозрительного не обнаружила. И тут раздался встревоженный голос Лели:

– Мотор барахлит...

Действительно, мотор фыркал, давал перебои и никак «не забирал».

Леля подкачивала шприцем бензин, пыталась как-то поддержать работу двигателя... А в моторе что-то стучало... Высота падала... Четыреста метров, триста...

Руфа теперь смотрела только на землю. Впереди поперек курса проходила шоссейная дорога. По ней шли машины. Садиться здесь значило тут же попасть к немцам. Уж лучше – прямо в машины...

Мотор стучал, давал перебои, но тянул все-таки... Леля старалась лететь на небольшой скорости, очень осторожно, и высота хотя и уменьшалась, но постепенно.

– Может быть, дотянем?

– Попытаемся, – неопределенно ответила Леля.

К аэродрому они прилетели на высоте пятьдесят метров. Леля посадила самолет с ходу. И только тогда, когда она зарулила самолет на место и выключила мотор, Руфа сказала ей:

– Леля, помоги мне. Я не могу вылезти...

– Что с тобой?

– Нога... Что-то с ногой.

– Я сейчас вызову санитарную машину, – предложила Тося Вахромеева, механик. – Вообще, я вижу, вас там здорово потрепали. Мотор поврежден, вон, сколько пробоин в крыле...

Она побежала за машиной.

Нога у Руфы распухла и почти не двигалась.

– Что ж ты молчала? – укоризненно сказала Леля.

– А чем бы ты мне помогла?

Приехала «санитарка», и Руфу усадили в нее. Докладывая командиру полка, Леля сказала коротко:

– Задание выполнено. Переправа повреждена. Штурман Гашева, кажется, ранена. Самолет неисправен.

Она ни словом не обмолвилась о том, что пришлось пережить им с Руфой. Бершанская посмотрела на нее долгим, проницательным взглядом и все поняла сама.

– Был сильный обстрел?

– Три крупнокалиберных пулемета. А как Гашева?

– С ногой у нее что-то.

У Руфы оказалось легкое, поверхностное ранение. Пуля скользнула по ноге и застряла в металлических прутьях сиденья. Во время полета рана кровоточила, и нога затекла.

Три дня Руфа не летала. От связного летчика из дивизии Михаил узнал о случившемся. На следующий день, возвращаясь с боевого задания, уже на рассвете, он прошел на бреющем полете над аэродромом девушек и бросил на старт записку для Руфы.

С этих пор они стали пользоваться таким способом связи. Иногда и Руфа сворачивала с маршрута немного в сторону, туда, где находился аэродром «братцев», и посылала Михаилу воздушную почту.

Однажды Руфе сообщили, что Михаил не вернулся с задания и неизвестно, что с ним. Но уже через день Руфа получила письмо, где в обычном для него стиле Михаил писал: «Все в порядке. Немного задержался с возвращением. Просто решил выяснить, что делается на передовой, почему там наши не

наступают...»

На самом же деле все было не так просто и весело. На подбитом самолете он едва-едва дотянул до линии фронта и приземлился у самых передних траншей...

Наступление на Кубани продолжалось. Наши войска оттесняли противника все дальше и дальше на Таманский полуостров. К концу весны линия фронта стабилизировалась. Гитлеровцы укрепились на так называемой «Голубой линии» – оборонительной полосе, которая тянулась вдоль речек и плавней от Черноморского побережья южнее Новороссийска до Темрюка на Азовском море. Эта линия обороны была названа «голубой» именно по той причине, что проходила она вдоль водных преград.

Всю весну и лето 1943 года здесь шли жаркие бои на земле и в воздухе. В это время в небе Кубани сражались знаменитые асы Покрышкин, братья Глинка и многие другие летчики 4-й воздушной армии генерала Вершинина. Женский авиаполк, который теперь стал называться 46-м гвардейским, воевал на Кубани в течение шести месяцев, принимая участие во всех крупных операциях.

...В апреле станица Пашковская, расположенная под Краснодаром, утопала в белом тумане цветущих садов. На большом аэродроме стояли в капонирах ПО-2. Отсюда девушки летали бомбить врага к станице Крымской, к Новороссийску и Темрюку. На краю аэродрома уже возвышались четыре свежих холмика – могилы погибших летчиц. Одной из них, Дусе Носаль, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Дуся Носаль считалась лучшей летчицей полка. Над целью, около Новороссийска, ее ПО-2, освещенный луной, был обнаружен вражеским истребителем. Враг неожиданно атаковал самолет и выстрелом из пушки убил летчицу. Штурман Глаша Каширина привела самолет на аэродром. Ей было трудно: тело убитой летчицы сползало вниз, давило на ручку управления.

Время от времени Глаше приходилось бросать управление, вставать и подтягивать Дусино тело кверху...

Когда в полку была создана еще одна, третья, эскадрилья, командиром ее назначили Лелю Санфирову, а штурманом Руфу Гашеву. Девушки много летали.

Летали каждую ночь. С вечера до утра.

...Они не вернулись в ночь на первое мая. Их долго ждали, дежурили на аэродроме, но они так и не прилетели.

Праздник был омрачен. Днем десяти летчицам торжественно перед строем полка вручали ордена. Каждая подходила к столу, и командир дивизии поздравлял ее и передавал ей награду. А два ордена некому было получить, и они остались лежать на столе в

красных коробочках. Два ордена Красного Знамени...

Только три дня спустя все выяснилось.

...Когда обстрел прекратился, Руфа еще раз оглянулась: на земле, в самом центре развилки дорог, горела автомашина, одна из тех, которые она бомбила. Темный дым клубился над дорогой.

– Посмотри, Леля, горит! Машина горит! – сказала она в переговорную трубку.

Но Леля не ответила, и Руфа сразу почувствовала: что-то произошло. Стояла тишина. Такая удивительная тишина, какой в полете не бывает. Эта тишина резала слух.

Она взглянула на мотор: винт замер, широко раскинув неподвижные лопасти. В передней кабине Леля, пытаясь запустить мотор, нагибалась, двигала рычаги.

Винт был неподвижен. Самолет планировал, теряя высоту, и стрелка высотомера скользила от цифры к цифре в сторону нуля.

Наконец Леля произнесла:

– Все. Не запускается.

– Что, попали в мотор, Леля? – спросила Руфа, хотя и так все было ясно.

– Да. Еще когда ты бомбила.

Включив свет в кабине, Руфа нашла по карте то место, где находился самолет, и моментально определила, что до линии фронта не дотянуть.

– Сколько остается до линии фронта? Успеем? – услышала она Лелин голос.

Можно было сразу же уверенно сказать «нет», но так не хотелось произносить это «нет», что она, помедлив, ответила:

– Точно не знаю... Держи курс 80 градусов. Так ближе всего.

– Руфа, скажи мне, сколько минут до линии фронта, – повторила Леля настойчиво.

– Десять.

Высота быстро падала. Было ясно: придется садиться на территории, занятой немцами. Обе девушки разглядывали землю: под ними проплывали черные массивы леса, неширокая бегущая змейкой река, в лесу – серые прогалины.

Леля предложила выбрать для посадки одну из таких прогалин и подвернула самолет так, чтобы лететь вдоль нее.

– Подсвети у самой земли ракетами, – попросила она.

– Зачем? Лучше в темноте... Чуть-чуть все-таки видно...

Леля не стала настаивать. Конечно, ракеты не помогут: все равно на второй круг не уйдешь. А немцы обратят внимание. Руфа права. Лучше в темноте...

Было так тихо, что Руфа слышала, как тикают часы на приборной доске. Тишина эта угнетала. Оторвав взгляд от земли,

Руфа посмотрела вверх, на звезды, мерцающие в небе, на светлую полоску Млечного Пути над головой. Кто знает, может быть, она никогда больше не увидит ни этих звезд, ничего...

– Леля, – позвала она, – я хочу... давай с тобой простимся... На всякий случай...

– Глупости! Приготовься к посадке!

Земля приближалась. Самолет летел по центру прогалины, с обеих сторон под крыльями тянулась граница леса. Ухватившись за борта кабины, Руфа следила за тем, как вырастают по бокам темные стены.

Ракетницу она все-таки держала наготове.

Слева совсем близко мелькнули деревья... Справа...

Сейчас – земля... Толчок! Машина, резко, с треском развернувшись, остановилась, накренившись набок.

Руфа больно стукнулась лбом обо что-то, и тут же ее прижало к борту кабины. Она пошевелилась, села. Потерла ушибленное место и позвала сначала тихо, прислушиваясь к собственному голосу, потом громче:

– Леля! Леля!

Молчание. Тогда, поднявшись во весь рост, она увидела, что Леля сидит неподвижно, уткнувшись головой в приборную доску. Нужно было спешить, и Руфа, выбравшись из кабины, стала тормошить подругу.

– Леля, Лелечка! Что с тобой? Очнись, Леля! Очнись...

Та медленно подняла голову, потрогала рукой.

– Ты сильно ушиблась, да? Ну, ответь!

– Дерево... зацепили...

Самолет лежал, накренившись, в каком-то странном положении. Вся левая плоскость была исковеркана. Шасси подкосилось.

Недалеко в лесу стреляли ракеты. Не их ли это ищут? Возможно, заметили, как садился самолет.

– Ты можешь идти, Леля?

– Пойдем, – коротко ответила она, снова превращаясь в прежнюю Лелю, которая все может.

Они покинули разбитый самолет и поспешили к реке. Эту речку Руфа отметила еще в воздухе, когда они садились. Некоторое время шли по берегу.

Пистолет был один, у Руфы. Она отдала его Леле. – Возьми, ты командир.

Ориентируясь по звездам, двигались на восток.

В темноте по толстому бревну перебрались через овраг и снова долго шли по лесу. Начало светать. Лес кончился. Они двигались вдоль дороги по открытому месту. Днем идти здесь

было опасно, и, выбрав в стороне от дороги глубокую воронку, они просидели в ней до вечера. Слышали, как мимо прошла группа солдат. Потом два телефониста, переругиваясь, тянули провода связи. По дороге часто проезжали машины, мотоциклы.

С наступлением темноты сверху донесся знакомый звук: это летели на боевое задание ПО-2.

– Слышишь?

Они долго глядели в вечернее небо, где, постепенно удаляясь, рокотал ПО-2, ночной бомбардировщик, такой родной маленький самолетик...

Ночью опять шли, а потом ползли. Впереди то и дело взвивались вверх ракеты. Там была линия фронта, проходившая вдоль железной дороги.

Вперед продвигались все медленнее, переползая от кустика к кустику, от воронки к воронке. Иногда перебегали, низко пригибаясь к земле. Все время они старались держаться вместе. Но однажды где-то рядом застрочил пулемет. Это было уже близко от железной дороги. Девушки бросились в разные стороны и в темноте потеряли друг друга. Долго они звали шепотом и искали одна другую, пока, наконец, не нашли. Обрадовавшись, крепко обнялись, как после продолжительной разлуки. Когда железная дорога была уже рядом, они притаились в кустах, выжидая удобный момент. Ракеты взлетали вверх методически, через определенные промежутки времени. Выбрав перерыв между вспышками, Руфа и Леля перебежали железнодорожное полотно.

Раздалась пулеметная очередь. Испугавшись, что их заметили, девушки залегли в низком кустарнике.

Началась перестрелка. Трудно было определить, кто и откуда стреляет. Переждав немного, девушки поползли дальше. Вскоре наткнулись на воду. Начинались кубанские плавни, те самые, что так хорошо всегда видны сверху, с самолета. Небо постепенно бледнело. Наступал рассвет. Надо было снова затаиться до ночи. Они выбрали в плавнях глухое место, заросшее высоким камышом, и уселись на большой коряге, выступающей из воды.

Обе ничего не брали в рот уже вторые сутки.

– Страшно хочется есть...

Руфа вспомнила, что где-то читала, как Бауман тюрьме потуже затягивал ремень, когда чувствовал сильный голод.

– Леля, затяни ремень потуже, – сказала она.

– Зачем?

– Не так будет хотеться есть.

Леля улыбнулась и ничего не ответила. Потом погрустнела и, глядя куда-то в сторону, негромко произнесла:

– Сегодня второе мая. День моего рождения.

– Правда, Леля? Поздравляю... Ну что же тебе подарить?

Машинально Руфа сунула руку в карман брюк и вдруг обрадовано воскликнула:

– Есть! Есть подарок! Вот...

Она достала два семечка. Два. Больше не было, сколько ни шарила Руфа в карманах.

В плавнях они провели целый день. Изредка неподалеку ухал миномет. Временами слышна была перестрелка. По очереди девушки спали, вернее, дремали, каждую минуту открывая глаза. Вокруг них прыгали птицы, весело переговариваясь на своем птичьем языке. Их можно было даже потрогать рукой – они не боялись людей. По-весеннему грело солнце.

Вечером выбрались из плавней и долго шли зарослями, а потом лесом. Случайно наткнувшись на шалаш, замерли в испуге – что делать? В шалаше заговорили по-немецки, и девушки бросились бежать. Едва они успели спрятаться за каким-то бугорком, как два немца, встревоженные шумом, выскочили из шалаша и застрочили наугад из автоматов. Постояли еще некоторое время, прислушиваясь, потом один из них ушел в шалаш, а другой остался караулить. Он то ходил, напевая что-то, то садился, и только к утру, когда начало рассветать, задремал. Девушки осторожно, чтобы он не услышал, отползли в сторону.

Снова шли они по лесу до тех пор, пока не стало совсем светло. Тогда решили, что одна из них влезет на дерево и посмотрит, далеко ли тянется лес.

На пригорке у оврага стоял ветвистый дуб. Руфа забралась на него и на сплетении толстых веток, в углублении, увидела стреляные гильзы. Здесь сидел разведчик или снайпер. Чей? Может быть, свой?

Она хотела уже было лезть выше, как вдруг услышала громкий голос Лели:

– Стой! Руки вверх!

Руфа взглянула вниз и ахнула. Леля стояла, направив дуло пистолета прямо на солдата, который, видимо, поднимался из оврага. Солдат с растерянным видом поднял руки. Оружия при нем не было.

– Не двигаться! Отвечай – кто такой?

Тот, недоуменно озираясь, смотрел то на Лелю, то на Руфу, спрыгнувшую с дерева. Судя по форме, это был наш, советский солдат. Совсем еще молодой парень, круглолицый, с веснушками.

– Ну, отвечай! Или я буду стрелять!

– Да я... Тут вот вышел на минуту. Вода там, в овраге...

– Где твоя часть?

– Тут, недалечко... За бугром.

Парень то растерянно улыбался, то испуганно таращил глаза, когда Леля сердитым голосом задавала ему вопросы.

– А где немцы?

– Да тут, рядом, за леском... недалечко, – он кивнул головой.

– Покажи документы. Ладно, опусти руки.

Солдат порылся в кармане, виновато протянул небольшую книжечку.

– Эх, ты! – сказала Леля. – Что ж ты так? А если б тебя немцы?

Парень помялся, не зная, что ответить.

– Так я ж вижу – вы свои...

– Свои... А может быть – чужие! Откуда ты знаешь? Ну, веди нас к командиру!

В тот же день они приехали на машине в свой полк.

– Девочки, Леля и Руфа вернулись!

Весть моментально разнеслась по полку. Их обнимали, расспрашивали, поздравляли с наградой... А они, грязные, усталые, похудевшие за эти дни, вяло отвечали на вопросы, через силу улыбались. Им хотелось спать, только спать...

Лето 1943 года на Кубани было трудным. «Голубую линию» гитлеровцы удерживали прочно, очевидно рассчитывая сделать ее плацдармом для наступления.

Отходя с Северного Кавказа, из-под Ставрополя и Майкопа, враг стянул сюда большие силы, много техники и средств ПВО и сосредоточил все это на сравнительно небольшой площади Таманского полуострова.

Каждую ночь ПО-2 летали бомбить немецкий передний край, укрепленные районы и ближние тылы. Новороссийск, Анапа, Крымская, Гостагаевская, Варениковская, Темрюк...

Для того чтобы в течение ночи сделать как можно больше боевых вылетов, полк обычно еще до наступления темноты перелетал поближе к линии фронта, на так называемый аэродром подскока. Отсюда девушки летали всю ночь, а утром снова возвращались на основной аэродром. Иногда экипажи успевали слетать на цель по десять-двенадцать раз за ночь. Это было очень утомительно.

Часто, когда днем после боевой работы Руфа спала коротким тревожным сном, ей снились прожекторы. Широкие ярко-белые лучи качались в темноте, сплетаясь в живые сети. Она просыпалась, стараясь отогнать тяжелые видения. Но как только закрывала глаза, снова вспыхивали огни и в темноте шарили лучи...

С тех пор как Руфу назначили штурманом эскадрильи, у нее

появилось много дополнительных забот. В эскадрилью влились молодые штурманы из числа тех девушек, которые сначала работали вооруженцами, но здесь же, в полку, переучились на штурманов. С ними нужно было заниматься, объяснять теорию и практику штурманского дела. Времени у Руфы не хватало. Много занималась с молодыми штурманами и Женя Руднева, штурман полка, с которой Руфа училась в университете. Она организовала даже что-то вроде постоянных штурманских курсов.

Кроме того, в полку была создана четвертая эскадрилья. Прибывали новые летчицы, которые не имели боевого опыта и никогда не летали ночью. Свои первые боевые вылеты они совершали с лучшими штурманами, и Руфе часто приходилось «вывозить» молодых летчиц.

Непрерывные ночные бомбежки, видимо, настолько беспокоили гитлеровцев, что сюда, на Кубань, они перебросили авиационную часть, состоящую из ночных истребителей. Немецкие асы стали охотиться по ночам за тихоходными ПО-2. Обычно немецкий истребитель, патрулируя в воздухе, ждал, когда прожекторы поймают самолет. Тогда он давал ракету – сигнал «Я свой». Зенитки не открывали стрельбы, и лучи вели ПО-2 в полной тишине. Истребитель же подходил к самолету вплотную и расстреливал его.

Так в одну из ночей были сбиты и сгорели в воздухе четыре ПО-2. Восемь девушек, летчиков и штурманов, погибли в эту ночь...

Однажды Леля и Руфа получили задание бомбить скопление немецких войск и боевой техники под Новороссийском. Обычно бомбить приходилось фугасными или осколочными бомбами, а в этот раз оружейники подвешивали под самолеты контейнеры, наполненные горючей смесью. При ударе контейнера о землю жидкая смесь воспламенялась.

– Руфа, мы вылетаем первыми. Пусть побыстрее подвесят, – сказала Леля.

Возле самолета уже лежали два больших фанерных контейнера сигарообразной формы. Девушки-вооруженцы ловко подняли и подвесили один контейнер на замок под правое крыло, потом подняли второй и подвесили под левое.

– Готово.

Леля и Руфа заняли свои места.

...Слева под крылом медленно проплывал Новороссийск. Безмолвный город. Ни огонька, ни выстрела. Плавным полукругом изгибался берег Цемесской бухты, а там, где залив кончался и начинался широкий морской простор, сверкала узкая лунная дорожка.

Вот и шоссейная дорога, идущая к городу с севера. Где-то здесь, в лощинах, сосредоточились немецкие войска. Руфа внимательно вглядывалась в темнеющие полосы лощин. Наконец, скомандовала Леле:

– Держи правее на пятнадцать градусов. Еще чуть. Вот так.

Прицелившись, сказала еще раз:

– Держи так... Буду бомбить.

Самолет качнуло: контейнер с горючей смесью, висевший под левым крылом, отделился. Руфа еще раз дернула за рычаг, чтобы сбросить второй, тот, что висел под правым крылом. Но тупой нос контейнера по прежнему выступал вперед из-под передней кромки крыла. Не отрывая глаз от освещенного луной контейнера, она дергала и дергала рычаг. Изо всех сил. Холодный пот выступил у нее на лбу. Самолет летел, накренившись вправо: контейнер был тяжелый.

– Что случилось? – спросила Леля.

Руфа молча дернула рычаг обеими руками еще раз. В этот момент рявкнула первая зенитка. Включились прожекторы. Их было четыре.

– Руфа, в чем дело? – нетерпеливо спросила Леля опять.

– Да вот... Никак не сбрасывается... контейнер.

– А ты посильнее дерни! Порезче!

– Все равно никак.

– Попробуй еще. Дергай, пока не упадет!

Леля ввела самолет в вираж, кружась над целью. Широкий луч прожектора скользнул по самолету и замер. К нему присоединились остальные.

Ну вот, не хватало еще этого, – подумала Руфа.

– Ну, как? – донесся Лелин голос.

– Не могу! Не получается! – с отчаянием в голосе крикнула ей Руфа.

– Ну-ка я попробую...

И Леля, переведя самолет в пикирование, резко сделала «горку». Потом еще одну... Контейнер не сбрасывался.

Самолет летел в перекрестье лучей, цепко ухватившихся за него. Разрывы зенитных снарядов, ложившиеся выше, постепенно приближались.

– Подожди, Леля... Одну минуту...

– Ты что задумала? Назад! – крикнула Леля, увидев, что Руфа вылезает на крыло. – Сейчас же вернись!

Но Руфа не слушала ее. Выбравшись из кабины и держась за борт, она присела, а потом легла на крыло. Ветер свистел в ушах, оглушали раскаты зенитных разрывов. Было так светло от ярких лучей прожекторов, что Руфе казалось, будто там, внизу, видят ее

на крыле и стреляют именно в нее...

– Руфочка, не надо, слышишь...

Склонившись к правому борту кабины, Леля умоляла ее вернуться. Потом замолчала. Она ничего не могла сделать. Старалась только вести самолет как можно осторожнее. А это было трудно: к весу контейнера прибавился еще вес Руфы, и крен усилился...

Прижавшись всем телом к поверхности крыла, ухватившись рукой за ленту-расчалку, соединяющую верхнее крыло с нижним, Руфа медленно подползала к передней кромке. Туда, где светлел контейнер. Леля следила за каждым ее движением, боясь шелохнуться, переживая с ней каждое движение. Ей казалось, что не Руфа, а сама она ползет по крылу, каждую секунду рискуя сорваться.

Вот Руфа протянула руку к контейнеру и попыталась раскачать его. Но он не поддавался. Тогда она осторожно подтянулась на руках поближе и стала отвинчивать болты крепления. Все напрасно – контейнер не сбрасывался. Передохнув, она опять стала раскачивать контейнер...

Лучи прожекторов постепенно, один за другим, оставили самолет. Они переключились на другой ПО-2, который прилетел к цели и готовился бомбить ее. Мысленно Леля повторяла: «Руфочка, ползи назад. Ну, дорогая. Скорее. Назад...»

Убедившись, что контейнер не сбросить, Руфа завернула винты, закрепив его в прежнем положении. Осторожно начала отползать. И только теперь ей стало страшно. Она почувствовала, как дрожат руки от напряжения, как тяжело ползти по гладкому крылу под напором встречного ветра...

Возле кабины она поднялась на ноги, держась рукой за борт. Оставался еще один шаг, один-единственный. Но силы вдруг покинули ее. Ноги налились свинцом и, словно чужие, не повиновались. Борт кабины выскальзывал из ослабевшей руки.

– Ну, Руфочка, держись! Держись!

Лелин голос донесся откуда-то издалека, будто во сне... Огромным усилием воли она заставила себя сделать еще шаг – и перевалилась за борт, упала в кабину.

Сначала Леля молчала. Потом, минуты через две-три, когда Руфа пришла в себя и, как ни в чем не бывало, спокойно произнесла: «Леля, возьми левее, вон на тот пожар», – вдруг набросилась на нее:

– Ты что это придумала! Дуреха!! Соображаешь ты что-нибудь?! Да ты понимаешь, что могло случиться? Понимаешь?!

– Я должна была сделать это, Леля. Иначе...

– Иначе, иначе...

– Ну, ничего же не случилось, – успокаивала ее Руфа.

Они обе умолкли, думая о том, что впереди их ждет еще одно испытание. Справа у передней кромки крыла светлел контейнер, наполненный горючей жидкостью. Толчок при посадке – и контейнер упадет, жидкость воспламенится...

При подходе к аэродрому Руфа выстрелила две красные ракеты – сигнал бедствия.

– На всякий случай... при посадке... будь готова выскочить из самолета.

Леля говорила отрывисто, и Руфа чувствовала, что вся она собрана и напряжена до предела. На посадку зашли так, чтобы приземлиться подальше от стартовых огней и самолетов.

На старте зажгли посадочный прожектор, и свет его упал на поле. Площадка не была идеально ровной, и даже при самом плавном приземлении возможны были толчки.

До последнего момента, когда колеса коснулись земли, Леля удерживала самолет от крена. Покачиваясь, он побежал по освещенному полю. Приземление было отличным, без единого толчка. Контейнер все также виднелся из-под крыла.

Пробежав немного по земле, самолет остановился. Леля медленно зарулила в сторону и выключила мотор. Со старта уже бежали техники и вооруженцы.

Обе облегченно вздохнули...

В сентябре 1943 года советские войска, прорвав «Голубую линию», пошли в наступление. Штурмом был взят Новороссийск. В этом штурме принимала участие группа из десяти экипажей женского авиаполка. Они были отправлены в район Геленджика, откуда летали бомбить передний край и оборонительные позиции врага под Новороссийском. Руководила этой группой заместитель командира по летной части Серафима Амосова. «Голубая линия» была прорвана в нескольких местах, и вскоре весь Таманский полуостров был освобожден от захватчиков.

Полк двигался вперед, перелетая все ближе к Крыму.

В освобожденных станицах местные жители рассказывали девушкам о том, что говорили немцы о женщинах-летчицах. «Ночные ведьмы» – так называли их гитлеровцы, утверждая, что это женщины-бандиты, выпущенные из тюрем... Жители рассказывали, как удачно бомбили девушки, показывали, где ложились бомбы, где стояли немецкие зенитки и прожекторы.

За участие в освобождении Таманского полуострова 46-й гвардейский авиационный полк получил наименование «Таманский». Полгода в ночном кубанском небе – срок немалый. Шестнадцать летчиц и штурманов полка отдали свои жизни в

этих боях.

В небольшом рыбачьем поселке Пересыпь полк задержался надолго, до весны 1944 года. Поселок был расположен на крутом берегу Азовского моря. Через него проходила дорога от Темрюка к Керченскому проливу.

Самолеты стояли на ровной площадке рядом с поселком. Площадка кончалась крутым обрывом – дальше, внизу, плескалось море...

Отсюда в течение нескольких месяцев девушки летали через пролив в район Керчи. Весь Керченский полуостров был забит прожекторами и зенитной артиллерией. К тому же глубокая осень, зима и начало весны не баловали хорошей погодой. Частые штормы, сильные северо-восточные ветры, низкая облачность, нагоняемая с моря, усложняли и без того тяжелые полеты.

Сначала там, за проливом, не было ни клочка «своей» земли. Потом десантники захватили часть прибрежного района южнее Керчи.

При высадке морского десанта поднялся шторм. Катера, мотоботы, танкеры, на которых плыли под вражеским огнем десантники, разбросало по всему Керченскому проливу, и только немногие из них достигли крымского берега. Здесь, в районе небольшого поселка Эльтиген, десантники закрепились и держались в течение полутора месяцев, отрезанные от основных сил. Подбросить подкрепления с Большой земли было невозможно: гитлеровцы блокировали все подходы с моря. Моряки сидели без продовольствия, кончались боеприпасы. Им приходилось рассчитывать исключительно на собственную выдержку и стойкость. А гитлеровцы напирали, пытаясь сбросить десант в море.

Тогда на помощь десантникам были посланы самолеты ПО-2. В течение многих ночей девушки летали к Эльтигену. Снижаясь над поселком, с малой высоты сбрасывали они морякам мешки с боеприпасами, медикаментами, картошкой и сухарями.

Одна из таких ночей особенно запомнилась Руфе. Погода была отвратительная – низкая облачность, сильный ветер у земли, временами дождь.

Леля дежурила по полетам, и Руфа летела на задание с другой летчицей Верой Тихомировой.

– Погодка что надо! – сказала Вера, забираясь в кабину. – Вряд ли нас там ждут сегодня...

– Тем лучше, – ответила Руфа. – Может быть, обстрела не будет.

Однако обстрел был. Как только самолет, пролетев над Керченским проливом, стал приближаться к берегу, открыли

огонь немецкие морские катера. Перед мотором, рассекая тьму, взметнулись огненные трассы.

– Вправо, вправо отверни! – сказала Руфа.

Вера бросила самолет в сторону, но и там стреляли. Самолет летел низко, на высоте не более ста пятидесяти метров, и немцы находили его не только по шуму мотора – в темноте светились голубоватые выхлопы пламени из патрубков.

Убрав газ, Вера лавировала между пулеметными трассами. Высота падала.

Но вот под крылом зачернел берег. Катера остались позади. Руфа всматривалась в очертания береговой линии. Подправив курс, сказала:

– Видишь, поселок чуть левее. И светлое пятно. Заходи прямо на него. Только давай пониже спустимся.

Внизу, на площадке у школы замигал огонек. Кто-то из десантников с помощью карманного фонарика показывал, куда бросать мешки. В ответ Вера помигала ему самолетными огнями. Фонарик погас. С высоты двадцати-тридцати метров Руфа бросила мешки на площадку у светлого здания школы. Снова засигналил фонарик: видно, ждали.

Обратно летели в сплошной темноте. Над проливом шел дождь. Чернота ночи сгустилась, и Руфе казалось, что самолет летит где-то в бездонной пропасти.

Ветер усилился. Море штормило. Дул знаменитый норд-ост. Самолет летел против ветра, продвигаясь вперед очень медленно.

Стартовые огни на аэродроме горели непрерывно, посадочную полосу освещал прожектор. Самолеты заходили на посадку один за другим. Видно было, как на земле каждый садящийся самолет встречают техники и вооруженцы, которые сразу же бросаются к нему, как только колеса коснутся земли. Самолет рулит, а они удерживают его за крылья и хвостовое оперение, чтобы не перевернуло порывом ветра...

Когда Вера посадила самолет, кто-то крикнул:

– Полеты запрещены!

Действительно, в такую погоду летать было почти невозможно. Но все знали – моряки сидят на плацдарме без еды, без патронов. И хотя командир полка запретила полеты, она все же разрешила нескольким наиболее опытным экипажам продолжать боевые вылеты.

К Руфе подбежала Леля, дежурившая на старте. – Ну, как ты, Руфочка? Полетишь еще?

– Конечно. Вера готова.

– Я знаю...

Почему-то Леле не нравилось, когда Руфа летала с другими

летчицами...

До утра Руфа с Верой слетали к Эльтигену еще два раза. На своем маленьком ПО-2 сквозь дождь и непогоду пробивались они к крымскому берегу. Зато как благодарили потом летчиц те моряки, которым удалось выйти живыми из этого кромешного ада.

В одну из напряженных боевых ночей над целью загорелся самолет Жени Рудневой. В ту ночь Женя, штурман полка, «вывозила» молодую, недавно прибывшую летчицу Прокофьеву.

Леля и Руфа уже возвращались с цели, когда зажглись прожекторы. Руфа оглянулась и увидела в перекрестье лучей самолет. Ярко освещенный, он казался светлым, беззащитным мотыльком. Вдруг снизу застрочила автоматическая зенитная пушка «Эрликон». Это была та самая пушка, от которой Руфа с Лелей только что благополучно ускользнули.

Лучи прожекторов крепко держали маленький светлый самолетик, оказавшийся в самом центре разрывов. Но что это? Руфа заметила на самолете красное пятно... Пятно быстро увеличивалось, и скоро огонь охватил всю машину.

– Горит самолет, Леля!

– Кто вылетел за нами?

– Не знаю.

С земли взметнулись фонтаны огня. Четыре. Один за другим. Разрывы бомб. Это отбомбился по цели горящий самолет...

ПО-2 продолжал лететь на запад, не разворачиваясь. Руфа увидела, как вспыхнули огоньки, зеленые, белые, красные: это рвались ракеты. Они хранились в кабине штурмана. А может быть, в кармане комбинезона.

Вскоре самолет стал разваливаться на части. Вниз падали пылающие куски...

На земле девушки узнали: вернулись все самолеты, кроме одного, на котором вылетели Прокофьева и Руднева. Та самая Женя Руднева, у которой «не ладилось с физкультурой». Женя, которую Руфа хорошо знала еще по университету: девушка была влюблена в астрономию, писала научные статьи, и ей прочили будущее ученого. Женя, которая блестяще освоила штурманскую профессию, и ее, новичка в авиации, не побоялись назначить штурманом полка. Женя, которую все в полку любили за человечность и душевную мягкость, за неутомимость и бесстрашие...

Утром после полетов к Руфе подошла Ира Ракобольская, начальник штаба полка. Собрались и другие университетские подруги Жени: Катя Рябова, Дуся Пасько, Аня Еленина, Лариса Радчикова...

– Как-то не верится, что Жени нет... Просто в голове не укладывается...

– Полк без Жени – это невозможно...

Говорить не хотелось. Несмотря на то, что в полку было уже немало потерь, всех потрясла гибель Жени.

А спустя два дня началась операция по освобождению Крыма. После интенсивной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха немецких позиций наши войска перешли в наступление.

Гитлеровцы отступали. Колонны машин шли ночью с включенными фарами, чтобы не свалиться с обрыва на крутых горных дорогах. И каждую ночь летали девушки бомбить эти автоколонны. Бомбили они и немецкий аэродром под Севастополем. Дважды Руфе удавалось бросить бомбы прямо по старту, где стояли готовые к вылету самолеты.

Крым был освобожден в течение месяца. Девятого мая взвился красный флаг над Севастополем, а еще через два дня война в Крыму кончилась.

Большой перелет из Крыма на Смоленщину девушки совершили на своих ПО-2 в несколько этапов, делая остановки в Мелитополе, Харькове, Курске, Брянске. 46-й гвардейский Таманский полк был передан в состав 2-го Белорусского фронта.

Конечный пункт – аэродром в Сеще, где до войны была крупная авиационная база. Потом этот большой аэродром использовали гитлеровцы.

Когда Леля зарулила самолет на стоянку и выключила мотор, первыми словами, которые произнесла Руфа, были:

– Какие чудесные березки! Леля, ты только посмотри, совсем как под Москвой...

Целая роща тоненьких нарядных березок, опушенных первой зеленью, тянулась по краю аэродрома. А над ней синело майское небо. И вспомнилось Руфе родное Подмосковье... И так вдруг потянуло домой!

Два с половиной года прошло с тех пор, как она уехала из дому на войну. Сколько дорог пройдено за это время!

Донбасс. Первые вылеты... Отступление жарким, пыльным летом 1942 года. Станицы, хутора и пехота, пехота, бредущая по дорогам... Потом – битва за Кавказ. Полеты, полеты, над горами, в туман и непогоду... «Голубая линия», где за самолетами ПО-2 охотились вражеские ночные истребители... Керченский полуостров с плотным заградительным огнем, с лесом прожекторов, с ветрами и штормовой погодой... И, наконец, Севастополь. Два длинных года, заполненных бомбами, взрывами, зенитками.

И вдруг – родные березки!

Руфа смотрела и смотрела на них. Сердце защемило радостно и тоскливо, и на мгновение ей показалось, что войны нет. Просто – роща в Подмосковье, и она, Руфа, в легком платье бежит по лесу. И солнечные пятна мелькают на зеленой траве.

Руфа шла по тропинке и ласково прикасалась рукой к белым тонким стволам. Стояла тишина. Та особенная лесная тишина, которую так хорошо слушать...

Внезапно где-то недалеко раздался тяжелый взрыв. За ним еще один. Руфа остановилась, прислушиваясь.

– Мины подрывают, – сказала Леля. – Здесь ведь все было заминировано.

И сразу исчезла тишина. Продолжалась война...

Прошел месяц, и 2-й Белорусский фронт двинулся в наступление. Вклинившись во вражескую оборону, наши войска расчленили силы гитлеровцев и быстрым темпом пошли вперед, оставляя позади отдельные недобитые вражеские группировки, большие и маленькие.

Девушкам приходилось теперь летать не только за линию фронта – они часто бомбили крупные соединения немецких войск, оказавшиеся в окружении и нежелающие сдаваться. Гитлеровцы бродили по лесам группами и в одиночку. Иногда, изголодавшиеся и отощавшие, они сами шли сдаваться.

Однажды днем во время перелета на новую площадку Руфа заметила во ржи людей, которые пытались там прятаться.

– Леля, давай посмотрим поближе. Подверни немного вправо. Кажется, это немцы...

Пролетев бреющим над полем, девушки убедились, что не ошиблись. Во ржи действительно прятались немцы. Их было довольно много. Кое-кто из них даже попытался стрелять в самолет.

На аэродроме Леля и Руфа рассказали о том, что видели. Отряд, выделенный батальоном обслуживания, прочесал поле и захватил несколько десятков пленных.

Руфа видела потом этих пленных, которые под конвоем уныло шли на сборный пункт. Теперь, когда гитлеровцы отступали под напором советских войск, они совсем не походили на прежних наглых «завоевателей».

Как-то раз Леля и Руфа получили задание бомбить днем. Большая группировка фашистских войск, оказавшаяся в нашем тылу, надеясь прорваться к своим основным силам, упорно сопротивлялась. Сложить оружие гитлеровцы отказывались. Тогда в полк пришел приказ: выделить несколько экипажей и пробомбить лес, где засели гитлеровцы.

Лететь среди бела дня на ПО-2 было опасно. Фашисты были хорошо вооружены, а ПО-2 с его малой скоростью представлял собой прекрасную мишень.

Когда самолет приблизился к лесу, гитлеровцы открыли по нему огонь из всех имевшихся у них видов оружия. Стреляли из автоматов, пулеметов, зенитных орудий...

– Бросишь бомбы, и я сразу же спикирую. Приготовься!– предупредила Леля.

– Ладно. Еще немного... Буду бомбить по центру.

– Осторожно – слева пулемет!

ПО-2 шел на небольшой высоте, чуть выше трехсот метров. Маневрировать было трудно: стреляли кругом. Руфа напряженно ждала момента, когда они окажутся над центром леса. Рванула рычаг. Бомбы отделились от самолета.

– Давай!

Внизу грохнули взрывы, и сразу же Леля резко бросила машину к земле. Руфе даже показалось, что самолет падает...

На бреющем девушки пролетели над лесом, над самыми верхушками деревьев, и вскоре оказались у своего аэродрома.

Когда самолет приземлился, подошла Бершанская.

– Спасибо, девочки.

Голос у нее был хрипловатый, и Руфа поняла, что командир полка все еще волнуется.

Механик Тося придирчиво осмотрела самолет. Покачала головой и как-то чересчур уж сердито сказала:

– Хорошо, что долетели. Смотрите, что делается...

И она показала им десятки мелких пробоин по всей машине. Вид при этом у нее был такой, будто это они сами изрешетили самолет. Тося тоже волновалась.

Спустя час гитлеровцы выслали парламентеров...

Через несколько дней перед началом полетов к Руфе подошла парторг полка Мария Рунт и сказала:

– Приехал представитель политотдела дивизии для вручения партийных билетов.

Кроме Руфы партийные билеты получили в этот день еще три девушки. Представитель политотдела поздравил Руфу:

– Товарищ Гашева, мне очень приятно вручить партийный билет вам, отличному штурману не только полка, но и всей дивизии. Желаю вам дальнейших успехов!

Вечером из дивизии прилетел ПО-2 и привез боевую задачу. К Руфиному удивлению, из самолета вышел Михаил. Отдав пакет Бершанской, он подошел к Руфе.

– Я только на пять минут. Летал за боевой задачей и для вас тоже прихватил. Наш аэродром отсюда ведь недалеко – в десяти

километрах. Так что по пути...

Он всегда находил какой-нибудь повод, чтобы слетать в женский полк и хоть на минуту увидеть Руфу. И всегда оказывалось, что ему «по пути».

Руфа достала небольшую красную книжечку, которую она спрятала в карман гимнастерки, и протянула Михаилу.

– Вот, сегодня получила.

Он заулыбался.

– Очень рад за тебя. Прими от меня самые искренние поздравления...

Порывшись в кармане, он что-то вынул и вложил в Руфин партбилет.

– Что это? – спросила Руфа и покраснела, догадавшись, что это фотография. – Посмотреть можно?

– Пока лучше смотри на меня. Я скоро улечу...

Руфа рассмеялась. А Михаил тем временем достал свой партбилет и раскрыл его: там лежала фотография Руфы.

– Откуда же это? Я ведь не дарила.

– Это неважно. Рано или поздно...

– Что рано или поздно?

– Но ведь ты никому не дарила? – сказал Михаил не то вопросительно, не то утвердительно.

– Ладно, считай, что это я тебе дала фотографию.

– Ну, вот и прекрасно. Именно этого я и ждал.

Потом он вдруг стал серьезным.

– Вчера залетал в свою деревню. Недавно ее освободили...

Руфа знала, что его старики жили где-то под Оршей. Михаил говорил ей об этом.

– Ну, как родные? Живы?

– Живы отец, мать, сестра... Все там, конечно, разорено. Плохо им было... Один брат партизанил. А вот второго... второго немцы расстреляли. За связь с партизанами...

Они помолчали. Потом Михаил тихо сказал:

– Мне пора.

– Счастливого пути!

– Тебе удачных полетов!

Он быстро зашагал к самолету.

Этой ночью во время полетов Руфа все время чувствовала, что в левом кармане гимнастерки лежит она, красная книжечка, билет члена Коммунистической партии. Время от времени Руфа, как бы проверяя, на месте ли партбилет, притрагивалась к груди и сквозь ткань комбинезона и гимнастерки прощупывала его плотную обложку.

– Леля, давай постараемся чем-нибудь отметить этот день...

– Все, что от меня зависит, пожалуйста!

В воздухе и на земле Руфа берегла каждую минуту, экономила каждый километр пути. Полет за полетом, на цель и обратно... Один, два, пять, семь... За ночь они с Лелей сделали восемь боевых вылетов, на два вылета обогнав остальные экипажи. Результаты были отличные. Им удалось разбомбить склад боеприпасов. Восьмой раз самолет взлетал уже утром, в предрассветной мгле. Вернулись девушки последними, когда все летчики уже разрулили свои машины по стоянкам.

– Ну, довольна? – спросила Леля.

– Еще бы!

Руфа усталым движением стянула с головы шлем.

Из-за деревьев вставало солнце нового дня.

И вот уже освобождена Белоруссия. Стремительно продвигаясь вперед, войска 2-го Белорусского фронта вступили на польскую землю.

Был август. Полк стоял в бывшем помещичьем имении. Девушки летали бомбить врага за рекой Нарев, в районе польских городов Ломжа, Остроленка, Вышкув.

В эти дни погибли летчица Таня Макарова и штурман Бера Белик. Их самолет был сбит немецким ночным истребителем. Горящий ПО-2 упал возле передовой. Этот экипаж считался одним из лучших в полку. Девушки летали вместе с первого дня, почти три года.

После этого случая в полку появились, наконец, парашюты. До сих пор летали без парашютов: вместо них брали дополнительный груз бомб...

Как-то днем были проведены тренировочные прыжки с парашютом для тех, кто никогда не прыгал. Руфа прыгнула дважды. Все прошло отлично, и ей даже понравилось.

Вообще к парашютам относились недостаточно серьезно. И тогда уже, когда их ввели в обязательном порядке, девушки часто ворчали: «И так еле ноги волочишь после полетов, а тут еще парашюты тащить...»

Действительно, сделав за ночь по нескольку вылетов, девушки просто падали от усталости.

Но все же парашюты пригодились. И в первую очередь Руфа испытала это на себе...

...В ту декабрьскую ночь Леля и Руфа, уже сделав два вылета, поднялись в воздух в третий раз. Для Руфы это был восемьсот тринадцатый боевой вылет. Железнодорожная станция Насельск, которую они бомбили, находилась севернее Варшавы.

Прицелившись, Руфа сбросила бомбы. Самолет обстреляли.

Развернувшись, Леля взяла курс домой.

– Обстрел прекратился, – сказала Руфа.

Далеко впереди поблескивала лента реки Нарев. Линия фронта была уже близко, когда Руфа вдруг увидела, что горит правое крыло. Сначала она не поверила своим глазам:

– Леля! Ты видишь?

Леля молча кивнула. У Руфы неприятно засосало под ложечкой: внизу чужая земля, немцы... Вспомнилась Кубань и тот полет, из которого они с Лелей не вернулись. Это было полтора года назад. Сейчас Руфа опять переживала тревожно-гнетущее чувство, как и в тот раз, когда остановился мотор и они летели в темноте, теряя высоту, и знали, что не долетят, не перетянут через линию фронта. Тогда все кончилось благополучно. А теперь? Что ждет их теперь?

Огонь быстро расползался в стороны, подбираясь все ближе к кабине. Леля тянула время: видно, надежда долететь до линии фронта не покидала ее. Но вот уже медлить нельзя... Руфа услышала голос командира:

– Руфа, быстрее вылезай! Прыгай!

Машинально ощупав парашют, Руфа начала выбираться из кабины. Все еще не верилось, что придется прыгать. Обеими ногами она стала на крыло – в лицо ударила горячая волна, всю ее обдало жаром. Руфа успела лишь заметить, что Леля тоже вылезает, – и тут же ее сдуло струей воздуха...

Падая, она дернула за кольцо. Но парашют почему-то не раскрылся, и Руфа камнем понеслась в черную пропасть. Ее охватил ужас, и она, собрав все силы, рванула кольцо еще раз. Тут ее сильно тряхнуло, и над головой раскрылся белый купол.

Приземлилась Руфа благополучно. Отстегнув лямки, она высвободилась из парашюта и отползла в сторону. Сначала в темноте трудно было что-нибудь разобрать. На земле стоял сильный грохот; казалось, стреляли сразу со всех сторон. Хотелось куда-нибудь спрятаться. Она нашла воронку от снаряда и залезла в нее.

Первое, что увидела Руфа, оглядевшись, был ПО-2, пылавший на земле. Он показался ей живым существом, боевым товарищем, принявшим смерть без крика, без стонов, как и подобает настоящему воину.

Несмотря на холод, ей было жарко, лицо горело. В висках стучало, и почему-то назойливо лез в голову веселый мотив из «Севильского цирюльника».

Нужно было успокоиться, сосредоточиться. Вынув пистолет, Руфа положила руки на край воронки, опустила на них голову и прижалась лбом к холодному металлу. Мысли постепенно

пришли в порядок. Прежде всего, она должна определить, где восток, – там линия фронта. Но как? Звезды не просматривались: было облачно. Значит, по приводным прожекторам. Их было несколько, и все они работали по-разному. Сообразив, наконец, где находится передовая, она поползла в ту сторону.

Она ползла машинально, а в голове молотом стучала одна и та же мысль. Леля! Где Леля? Что с ней? Благополучно ли приземлилась? Может быть, она ушиблась, сломала ногу и лежит одна, беспомощная? А может быть, ее схватили немцы? И снова Руфа вспоминала Кубань, когда они вместе ползли, перебираясь через линию фронта. Вместе...

Вдруг рука ее наткнулась на что-то холодное, металлическое. Осторожно Руфа ощупала предмет. Он имел цилиндрическую форму. Мина! Что же делать? Здесь было минное поле. Руфа огляделась вокруг, но в черной тьме не увидела ничего. Только сзади, на небольшой горке, где она приземлилась, белел парашют.

Так ничего и, не придумав, она снова двинулась вперед, шаря перед собой рукой, а потом палкой, как будто это могло спасти ее. Через некоторое время перед ней возникла стена из колючей проволоки. Она попыталась подлезть под проволоку, но у нее ничего не получилось. И тут при свете вспыхнувшей ракеты Руфа увидела совсем близко небольшую группу людей человека три-четыре. Они быстро шли, пригнувшись к земле, по направлению к белевшему в темноте парашюту. Руфа замерла на месте: свои или немцы?

Когда они прошли, она снова сделала попытку пробраться через проволоку. Долго возилась, исцарапала руки и лицо, порвала комбинезон. Наконец ей удалось преодолеть препятствие.

Через некоторое время ей показалось, что впереди разговаривают. Она подползла поближе, прислушалась. И вдруг совершенно отчетливо услышала отборную русскую ругань, которая в эту минуту прозвучала для нее как чудесная музыка. Свои! Она встала во весь рост и крикнула:

– Послушайте, товарищи!..

В ответ закричали:

– Давай сюда, родная!

И сразу же другой голос:

– Стой! Осторожно: тут мины!

Но Руфа уже была в траншее. Только тут она почувствовала, как устала. Ноги заледенели: унты были потеряны. На одной ноге остался меховой носок, другого не было. Его потом нашли и передали Руфе солдаты, ходившие к парашюту искать ее.

В траншее Руфу окружили бойцы, дали горячего чаю, кто-то снял с себя сапоги и предложил ей. Потом ее повели на командный пункт.

Долго шли по извилистой траншее, пока не уткнулись в блиндаж. Руфа двигалась как в тумане. В насквозь прокуренном помещении было много народу. Руфу расспрашивали, она отвечала. Качали головой: чуть бы раньше прыгнуть и снесло бы прямо к немцам.

Ширина нейтральной полосы, на которую она приземлилась, была не больше трехсот метров. Отсюда, с земли, всё видели: как загорелся самолет, как падал.

Ей хотелось спросить о Леле, но она не могла решиться. «Почему они не говорят о ней ни слова? Почему?» – думала Руфа. И, словно угадав ее мысли, кто-то произнес:

– А подружке вашей не повезло – подорвалась на минах.

Это было сказано таким спокойным, ко всему привычным голосом, что Руфа не сразу поняла. А когда смысл этих слов дошел до ее сознания, внутри у нее будто что-то оборвалось...

Она автоматически продолжала отвечать на вопросы, но все окружающее перестало для нее существовать. Все, кроме Лели. «Подорвалась... Леля подорвалась...»

– Она тоже шла через минное поле. Но там были мины противопехотные. А вы наткнулись на противотанковые, потому и прошли.

«Да, да... Я прошла. А вот Леля...»

Потом Руфу куда-то повезли на машине. Машина подъехала к землянке. Руфа оказалась перед генералом. Он задал ей несколько вопросов. Она односложно отвечала, ничего не понимая, не чувствуя, как каменная. Генерал протянул ей стакан:

– Пей!

Это был спирт. Покачав головой, Руфа отказалась: – Не хочу.

Тогда он решительно приказал:

– Пей, тебе говорят!

Она выпила спирт как воду. Потом пришла медсестра, дала снотворное, но Руфа не уснула. Она знала: на рассвете Лелю должны были вынести с минного поля. Уставившись стеклянными глазами куда-то в угол, она сидела и ждала рассвета. И опять в ушах звучал все тот же веселый мотив.

Часто приходила медсестра, что-то говорила. В памяти у Руфы оставалось только то, что касалось Лели.

Утром Лелю должны были принести. За ней пойдут саперы... А может быть, она жива?

Наступило утро. Лелю нашли, принесли. Руфа вышла из землянки посмотреть на нее. Леля лежала на повозке, и казалось,

что она спит, склонив голову на плечо. Руфа видела только лицо, все остальное было закрыто брезентом.

Перед Руфой на повозке лежала Леля. Она была мертва. Ей оторвало ногу и вырвало правый бок. Все это Руфа уже знала. Но ничто не шевельнулось в ней. Она равнодушно смотрела на подругу, как будто это была не она, а груда камней.

Потом приехали летчицы из полка. Обнимали, утешали Руфу, старались отвлечь от мыслей о Леле. Когда сели в машину, Руфа сняла сапоги – передать солдату. Ей укутали ноги, и всю дорогу она молчала.

Спустя час показался аэродром и на нем – замаскированные самолеты ПО-2. Машина въехала в большой тенистый парк и остановилась у дома, где жили летчицы. Руфа сразу же встрепенулась, заспешила и, выпрыгнув из машины, босиком побежала в свою комнату. Ей казалось, что настоящая Леля там, живая...

Два дня она лежала с открытыми глазами на койке и никак не могла уснуть. Возле нее дежурили, давали ей порошки. Она послушно принимала их, но сон все равно не приходил.

Лелю решили похоронить в Гродно, на советской территории. Когда Руфа узнала, что Лелю увезут, то ночью пошла проститься с ней. Девушки-часовые пропустили Руфу в клуб, где лежала Леля. Медленно подошла она к гробу и упала... Очнулась она у себя в комнате. В тот же день Руфу отправили в санаторий, где она пробыла почти месяц. Первое время она не могла ни спать, ни есть, ни на что не реагировала, словно совсем выключилась из жизни. Врачи говорили, что у нее психотравма.

Целые дни Руфа проводила у камина одна. Уставившись в одну точку, молча смотрела, как полыхает огонь. Она не могла оторвать глаз от пляшущих языков пламени. Ей все казалось, что она сидит в самолете, а пламя ползет по крылу, приближаясь к кабине.

Все, что случилось в ту ночь, никак не могло улечься в голове, стать прошлым. Отдельные моменты пережитого вдруг живо всплывали в памяти. Только Руфа никак не могла связать их вместе, и это было мучительно...

Но однажды, когда она, как обычно, сидела, тупо уставившись в огонь, обрывки воспоминаний как-то сами собой соединились, и ей стало легче. Вечером она уснула и впервые за все это время проспала до утра.

А еще через несколько дней Руфа вернулась в полк. Сначала она опасалась: а вдруг после всего пережитого она будет бояться летать? Ведь иногда случается такое. Но все обошлось. Она снова начала летать на боевые задания, с хорошей летчицей – Надей

Поповой. Надя была энергичная и веселая девушка, много смеялась. На Лелю она ничем не была похожа, но в полете Руфа часто называла ее Лелей...

В начале 1945 года в полк пришло известие: девяти девушкам, летчикам и штурманам, присвоено звание Героя Советского Союза. Из них троим посмертно: Леле Санфировой, Тане Макаровой и Вере Белик.

В феврале в польском городе Тухоля командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский вручил Золотые Звезды награжденным.

Получила высокую награду и Руфина Гашева, один из лучших штурманов полка. На ее долю за эти годы выпало немало испытаний, и она с честью справилась с ними. Руфу любили и уважали в полку, и девушки от всего сердца поздравляли ее с высоким званием Героя. Вместе с Руфой получила Золотую Звезду Героя и Катя Рябова, которая тоже была штурманом эскадрильи.

На праздник, устроенный в местном театре, приехал Михаил. Поздравил Руфу и, конечно, как всегда, добавил:

– Вообще-то я бы не пускал девушек на войну... Особенно таких...

– Каких?

– Прытких!

– Ну, пора бы уж и привыкнуть, – усмехнулась Руфа.

Она стояла перед ним и улыбалась, вся собранная, светлая, сияя зелеными глазами на смуглом лице. Небольшая тяжелая звездочка поблескивала на темной гимнастерке...

Кончилась война. Перестал существовать 46-й гвардейский Таманский авиаполк. Девушки разъехались по домам. Некоторые остались в авиации, но большинство вернулось к прерванной учебе, к мирной работе.

Руфа окончила Военный институт иностранных языков. Некоторое время она еще оставалась в армии, работая преподавателем английского языка в военной академии. Потом демобилизовалась. Последние годы Руфина Сергеевна работает редактором военно-технической литературы.

Много событий произошло в жизни Руфины Гашевой после войны. Она ездила на всемирный слет демократической молодежи в Лондон, на студенческий конгресс в Прагу, на слет славянских женщин-антифашистов в Болгарию. Руфину Сергеевну Гашеву хорошо знают в Советском комитете ветеранов войны.

После войны у Руфины родился сын Володя. Сейчас он учится на геологическом факультете, на третьем курсе. А дочь Маринка в третьем классе. Марина Михайловна... Так звали отважную

летчицу Раскову.

Маленькая Маринка, светловолосая и голубоглазая, очень похожа на своего отца, Михаила Пляца, того самого младшего лейтенанта, который когда-то провожал Руфу в первый боевой полет.

Михаил Степанович, полковник авиации, вспоминая тот день, всегда шутит:

– Подумать только, Руфина, что было бы, если б я тогда подошел не к тебе, а к другой...

А Руфина отвечает:

– Я думаю, что ничего бы не изменилось.

Глаза у нее смеются. Они и сейчас такие же зеленые и решительные, как двадцать пять лет назад.

Письма... Их приходит так много, что Руфина едва успевает отвечать. Однажды пришло письмо, которое особенно взволновало ее. Писал солдат-пехотинец, Силкин Владимир Павлович.

«Уважаемая Руфина Сергеевна!

Я также участник Отечественной войны, но не летчик, а обыкновенный пехотный разведчик. У меня в памяти остался эпизод, когда ночью сбили самолет ПО-2 над передним краем немецкой обороны и из него выпрыгнули на парашютах два человека, которые приземлились между немецкой и нашей обороной. Вскоре мы услышали взрыв и крик женщины: «Помогите!»

Мы немедленно кинулись на помощь, но все место было заминировано. Прежде чем мы успели подползти к летчице, мы нашли ее парашют. Двое из моих товарищей тоже подорвались на минах. Потом летчица, уже раненная, вторично наползла на мину. Сильный взрыв... Рядом со мной падает воротник комбинезона. Немцы непрерывно стреляют. Только утром мы смогли подобрать летчицу и унести. Другая была счастливее: она приземлилась правее, на противотанковых минах. Кто были эти летчицы, мы не знали. И живую не удалось как следует рассмотреть.

И вот теперь, когда я прочитал очерк в газете, мне кажется, что там приведен именно тот случай, который мне пришлось видеть своими глазами. Если мне не изменяет память, то это было в Польше, недалеко от населенных пунктов Буда, Обремб и Пашковица...

Знал я и того солдата, который дал Вам сапоги. Его фамилия Мороз, он погиб спустя полтора месяца после этого случая с Вами.

Фронтовые годы не забываются. Это на всю жизнь. Часто, очень часто вспоминает Руфа войну, полеты, бомбежки и своих боевых подруг, тех, кто не вернулся, кто не дожил. Вспоминает Лелю. И часто к ней возвращается мысль, которая долго преследовала ее после Лелиной гибели: «Я прошла. А вот Леля...»

Тогда она смотрит на Володю, на Маринку и думает о том, что их счастье добыто дорогой ценой.